

Стриптиз Жар-птицы

Автор:

Дарья Донцова

Стриптиз Жар-птицы

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #20

Ну и отдохнула я на даче!.. Нет, не бывает у меня, Виолы Таракановой, так, чтобы жизнь текла спокойно и размеренно, обязательно что-нибудь случится! Только приехала погостить к подруге, а с той произошло несчастье – выпала из окна мансарды. Хотя постойте... Выпала? Что-то не похоже! Но кто и за что так обошелся с Даной? Кому она помешала? Письма какие-то анонимные, птички ядовитые, недавнее самоубийство деревенской учительницы, сплетни... Вопросы, вопросы... Где искать ответы? Разберемся! Только, оказывается, история-то давняя. Надо же, сколько скелетов в шкафу можно обнаружить в доме соседей...

Донцова Дарья Аркадьевна

Стриптиз Жар-птицы

Глава 1

Внутри каждого яблока спрятан огрызок. А в любой женщине непременно притаилась красавица, но порой никто ее просто не замечает...

Я вышла из метро и попыталась продышаться. Только не надо напоминать мне, что московский воздух – коктейль из токсинов, тяжелых металлов и окиси углерода. Если сорок минут трястись в подземке, то потом даже смог на Садовом кольце покажется упоительно сладким. Однако я вдруг начала кашлять – в последнее время ко мне привязалась невесть откуда взявшаяся аллергия. И тут я увидела очень симпатичного мужчину, который с явным интересом смотрел на меня. Обычно я не знакожусь на улице, более того, будучи некогда женой милиционера, я очень хорошо знаю: в нашем городе можно легко нарваться на криминальную личность, так что не следует заговаривать с незнакомцами. Ну, если только подсказать растерявшемуся туристу дорогу. И все же, согласитесь, явный интерес, читаемый в глазах идущих навстречу мужчин, женщину как-то бодрит. То же и со мной, Виолой Таракановой, – у меня и в мыслях нет заводить роман, но ощущение того, что я еще не вышла в тираж, радует. Вон сколько вокруг юных, ярких девушек, а шикарный блондин уставился на меня разинув рот. Похоже, он сражен наповал. Я сегодня действительно замечательно выгляжу, да и одета самым достойным образом, как раз вчера купила себе светло-розовое пальто. Абсолютно непрактичное приобретение – стоит пару раз прокатиться в муниципальном транспорте – и его можно выбрасывать, оно покроется невыводимыми пятнами, – но я не смогла удержаться. Зато выгляжу я сейчас, словно модель с обложки журнала. А еще я с утра сделала макияж и красивую прическу, потому что сегодня ездила в издательство сдавать рукопись (для тех, кто забыл, напомним: госпожа Виола Тараканова является одновременно и Ариной Виоловой, автором детективных романов, довольно известных в определенных кругах). Кстати, с очередной книгой я успела почти вовремя, задержка на десять дней не в счет, и на данном этапе я весьма довольна собой. Итак, я красива, отлично одета, молода, талантлива, и, ясное дело, парень, не сводящий с меня взгляда, почти лишился чувств от восторга. Ба, да он решил взять инициативу в свои руки! Ну надо же, отпихнул какую-то старшеклассницу, натянувшую на себя, несмотря на осень, супер-мини-юбчонку, и, широко улыбаясь, идет прямо ко мне. Нужно срочно сделать злобный вид, чтобы потенциальный кавалер понял: шикарная особа не испытывает ни малейшего желания общаться с посторонними!

Красавец приблизился почти вплотную, на моем лице помимо воли поселилась улыбка. Нет, конечно, я абсолютно не собираюсь кокетничать, просто выслушаю комплименты и сурово отвечу: «Не даю номер телефона незнакомым людям». Хотя такое заявление звучит глупо: знакомым номер давно известен, так что если кому-то и давать телефон, то как раз незнакомым.

Пока эти мысли крутились в моей голове, мужчина откашлялся и глубоким баритоном произнес:

– Здравствуйте!

– Добрый день, – кивнула я и повернула голову, очень хорошо зная, что в профиль смотрюсь наиболее выигрышно.

– Меня зовут Александр, – продолжил блондин и, представляясь, вежливо поклонился. – Вот, увидел вас в толпе и сразу понял...

Тут на него напал кашель. Мне бы следовало воспользоваться возникшей паузой и быстро уйти, но ведь неприлично убегать, не дав собеседнику выговориться! Пусть уж сообщит мне о том, какое впечатление я произвела на него, а потом, когда красавчик, покраснев от смущения, закончит «выступление», я гордо скажу, отвечу, заявлю... э... однако парню давно пора прекратить кашлять и продолжить речь! У него что, туберкулез?

– Простите, – заулыбался наконец блондин, – целый день на улице провожу, слегка простыл.

– Понятно, – кивнула я.

– Так вот... – Парень приободрился и завел: – Ваш вид! Внешность! Лицо! Короче говоря, звоните! Главное – понять, что это необходимо! Держите! Совсем не страшно! И ничего стыдного нет!

Я машинально взяла протянутый листочек и запоздало удивилась: что, так теперь принято – сунуть женщине открытку и застыть рядом, уставившись на объект обожания?

– Вы прочитайте! – бодро продолжал блондин. – Хоть нас и обучали на специальных курсах, но у меня хорошо говорить не получается. А над текстом профессор потрудился, этот... как его... стилист!

Мое удивление выросло до размеров небоскреба. О чем толкует потенциальный кавалер? Я уткнулась в крупный шрифт и прочла следующее:

«Новое лицо к Новому году. Начните январь обновленной. Сейчас у вас грыжи под глазами, глубокие морщины, старческие пигментные пятна, оплывший овал лица? Короче говоря, глядя утром на себя в зеркало, вы испытываете ужас и хватаетесь за косметичку? Надеетесь выглядеть моложе при помощи тональной пудры, корректора и румян? А зря, от слоя косметики ваша кожа станет только хуже, и в конце концов вы будете похожи на печеное яблоко. Мы предлагаем вам революционное обновление внешности. Новое лицо – новая жизнь – новые заботы. Безразрезная и бесшовная подтяжка мышц – метод глубокой прошивки. Торопитесь! Запись всего один раз в году, количество мест в клинике ограничено».

В первую секунду я поморщилась. Текст составлен из рук вон плохо! Эти повторения прилагательного «новый»: «Новое лицо к Новому году», «обновленной»... Следовало отдать сей опус редактору! Вот моя Олеся Константиновна никогда бы не пропустила столь явной ерунды. А заявление: «новое лицо – новая жизнь – новые заботы»? В особенности радуют последние. Их что, обещают вкупе с красивой внешностью? Кроме того, слово «бесшовная» пишется не через букву «з»! Удивительная безграмотность! Похоже, составители рекламы плохо учились в школе. Вот я отлично помню правило: если корень слова начинается на...

– Скидка пятнадцать процентов! – вдруг заявил блондин.

– Вы о чем? – не удержалась я от вопроса.

– Если вы отдадите листовку на ресепшен, услуги обойдутся вам намного дешевле, – зачастил красавчик. И добавил: – Причем скидка распространяется на все, в том числе и на пересадку волос... э... на голове.

Это дополнение вызвало у меня улыбку. А куда еще можно пересадить волосы? На ноги, что ли? Неужели есть на свете женщины, которые с восторгом побегут на подобную операцию! Я уже хотела высказать вслух все, что думаю об идиотской рекламе, и только тут сообразила: минуточку, молодой человек вовсе не собирался приставать ко мне с комплиментами и выпрашивать у меня номер телефона! Кретин просто раздает визитки клиники, которая проводит омолаживающие процедуры! И из всего потока дефилирующих по улице теток он выбрал МЕНЯ? С какой стати?

– С ума сошел? – искренне возмутилась я. – Еще бы липосакцию предложил!

Дурак снова кашлянул раз-другой, и на его лице появился восторг.

– Вау! – взвизгнул он. – Я чегой-то стесняюсь о жиरोотсасывании шуршать, хотя на курсах объясняли: все бабы о похудении мечтают! А вы молодец! Уважаю! Смело про свои проблемы рубите! Ща, уно моменто...

Не успела я моргнуть, как блондин сунул мне под нос другую бумажонку. На сем рекламном шедевре черным по белому стояло: «Революционная методика увеличения бюста путем использования отходов липосакции. Убираем лишнее, превращаем ненужное в необходимое. Нужна ли вам толщина в районе бедер? Нет? Желаете иметь сексуальную грудь восьмого размера? Легко сделаем из материала клиента! Никакого отторжения! Во время вмешательства получите удовольствие, без боли и наркоза. Гарантия на всю жизнь».

На долю секунды я растерялась. Зачем мне бюст устрашающей величины? Думаю, с ним крайне неудобно ходить. Он просто перевесит госпожу Тарakanову, я буду постоянно падать. К тому же у меня на бедрах не найти такого количества жира, чтобы из него получилось два футбольных мяча. Хотя, если быть совсем объективной, в верхней части моих ног начинают намечаться «уши»... Неужели крохотный дефект столь заметен посторонним?

И тут я разозлилась, быстро-быстро изорвала листочки в мелкие клочки и швырнула их на тротуар. Вообще говоря, я категорически не одобряю людей, засоряющих улицы, никогда не кидаю мусор мимо урны, но в этот момент напрочь забыла о хороших манерах.

– Мерзавец! – с вызовом сказала я блондину. – На себя посмотри! Натуральная белая мышь в обмороке!

– Скидочку можно увеличить, – совершенно не обиделся болван. – Потом передумаете, локти кусать станете, у нас временная акция!

Я развернулась и отточенным шагом двинулась в сторону маршрутного такси. Слава богу, малопрятный тип не побежал за мной. На пути мне попался магазин с зеркальными стеклами, я невольно посмотрела на себя и приуныла. Пальто цвета поросенка, страдающего анемией, не подходит мне, а

вертикальные складки вместо того, чтобы зрительно удлинить фигуру, парадоксальным образом ее уменьшили. А под глазами темнеют синяки, верхние веки того же цвета, я напоминаю очковую мартышку. Видели когда-нибудь это симпатичное человекообразное с крохотной мордочкой и почти черными кругами, сходящимися у носа? Вылитая я!

В сумочке завибрировал мобильный.

– Алло, – мрачно сказала я.

– Вилка! Приветик! – прокудахтал голосок.

– Добрый день, – ответила я, не понимая, кто находится на связи.

– Что ты делаешь? – продолжала женщина.

– Стою на проспекте.

– Ой, ты прям как Андре! Спросишь у него: «Милый, где находишься?» – он живо ответит: «В машине».

– Дана? Ты? – обрадовалась я.

– Кто ж еще! – воскликнула приятельница. – Не узнала? Здорово! Не звонишь сто лет... Конечно, ты у нас писательница! Небось звездишь без остановки? Презентации, автограф-сессии...

Лучшая защита – нападение. Похоже, моя старинная знакомая Дана Колоскова отлично усвоила сей незамысловатый постулат. В прежней жизни, когда мы с Томочкой считали себя неразлучными подругами,[1 - Читайте книги Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Зимнее лето весны», в них рассказано, как началась и завершалась дружба. Издательство «Эксмо».] я преподавала детям немецкий язык, и Дана наняла меня для своего сына Андре, милого мальчика, но самозабвенного двоечника. Не успела я первый раз войти в квартиру, как хозяйка моментально усадила меня за стол, налила прекрасный кофе и сообщила кучу подробностей о своей жизни. На самом деле Дану зовут не пороссийски красиво – Данунция. Еще шикарнее звучит ее девичья фамилия –

Гарибальди. Поглощая аппетитные булочки с корицей, Дана безостановочно говорила:

– Слышала про того Гарибальди,[2 - Джузеппе Гарибальд и (1807–1882) – революционер, народный герой Италии.] революционера из Италии? Видишь сейчас перед собой его родственницу.

– Ну надо же! – изумилась я.

Дана, явно обрадованная моей реакцией, добавила скорости беседе, и через четверть часа я была в курсе, что ее муж Альберт пишет книгу, сын Андре юный безобразник и никого не желает слушаться (похоже, весь удался в дальнего родственника, борца с угнетателями итальянского народа), свекровь Жозя разводит птичек, пернатые летают по дому и роняют перья в кофе. А еще, стрекотала Данунция, хорошо бы уехать из Москвы за город, но дела не позволяют, она же работает, а на досуге делает бижутерию, в основном бусы, которые продает коллегам и их знакомым.

Я слегка ошалела под лавиной информации, но, когда попыталась пойти в детскую, чтобы заниматься с Андре, Дана меня не отпустила. И все наши дальнейшие «занятия» всегда выглядели одинаково: едва я появлялась на пороге, Дана мгновенно хваталась за кофейник. В комнате у мальчика я так и не побывала. Андре сам приносил на кухню учебник, и, пока мать двоечника болтала, я живо делала ему домашнее задание. Навряд ли такое времяпрепровождение можно назвать полноценным уроком. В конце концов мне стало стыдно брать у Данки деньги, и я отказалась от ученика. Но наши отношения не прервались, мы с родственницей Гарибальди активно общались, а я по-прежнему писала для Андре сочинения на тему «Летние каникулы» или «Родной город». Стихийно возникшему приятельству немало способствовал тот факт, что мы жили в соседних домах. А кроме того, Дана изумительно готовила, из нее вышел бы отличный повар.

Потом я и Томочка вышли замуж, переехали на новую квартиру, и мое общение с Данкой сократилось. Почти каждый день забегать в гости стало невозможно, но мы периодически перезванивались. Правда, в последний раз мы беседовали давно, больше года назад. И вот сейчас я слышу из трубки веселый голосок. Похоже, Данка не изменилась – за пару минут она успела выложить все свои новости: муж Альберт ее бросил, выросший Андре женился и вместе с женой живет в Италии, где у Гарибальди есть родственники. Наверное, Дана забыла,

что я об этих обстоятельствах хорошо знаю.

– Я наконец-то вернула себе девичью фамилию. На фиг мне Колосковой быть, – пулеметом строчила Данка. – И очень хорошо, что Алик исчез из моей жизни, теперь это не моя забота. От него были одни расходы – пить начал, а мне завидовал. Я же бизнесмен, а он типа никто! Слава богу, он другую нашел, уже год как смотался. Ну да ты это знаешь! Жозя, конечно, осталась со мной. Ты можешь приехать?

– Куда и зачем? – попыталась выяснить я.

– Видела тебя тут по телику, – тараторила Дана. – Горжусь безмерно, всем рассказываю: Арина Виолова моя лучшая подруга. Все твои книги прочитала по пять раз. Фанатею по-черному! Давай, кати сюда!

– Да куда?

– В Евстигнеевку! Неужели забыла?

– Прости, да, – ответила я чистую правду.

– Вилка, ты чего? – возмутилась Дана. – Это дача Жози!

Я напряглась, из глубин памяти выплыло воспоминание о большом, старом деревянном доме, в котором на разные голоса скрипели рассохшиеся полы. Жозя, свекровь Даны, была очень гостеприимна, летом она зазывала к себе всех: подруг, знакомых, коллег сына и невестки.

– Мы теперь постоянно живем в Евстигнеевке. Я же тебе рассказывала о ремонте, – вещала Дана. – Сделай одолжение, приезжай! Очень надо, ей-богу! Прямо сейчас!

Я заколебалась. Может, принять приглашение? По крайней мере, Данка до отвала накормит меня вкусностями. К тому же дома меня никто не ждет, рукопись сдана, в городской квартире, несмотря на теплую погоду, царит дикий холод – отопление пока не включили, а в Евстигнеевке имеются печи.

- Хорошо, приеду, – приняла я решение. – Но ближе к вечеру.
- Ты на машине? – спросила Гарибальди.
- Нет, – вздохнула я.
- Дуй сейчас же на вокзал, – поторопила меня Данка, – через сорок минут пойдет электричка. Если успеешь на нее, встречу тебя на станции. Ну?
- Не могу же я ехать за город в розовом пальто!
- Почему? – изумилась Дана.
- И у меня нет с собой даже зубной щетки.
- Ну и ерундища лезет тебе в голову! – незамедлительно отбила и эту подачу подруга. – Кати как есть. У меня найдется и пижама, и пуховик, и мыло с мочалкой.

Но я все равно пребывала в сомнениях, и тут Дана тихо сказала:

- Вилка, ты мне срочно нужна, беда случилась!
- Я уже в пути, – ответила я, – встречаемся у первого вагона. Станция Манихино?
- Верно! – обрадовалась Дана. – Но лучше садись в конец состава.

Глава 2

- Ну, сильно я изменилась? – спросила Дана, заводя мотор не совсем новой, но вполне приличной иномарки.

Похоже, материальное положение моей подруги за время, прошедшее с нашей последней встречи, не стало хуже, а может, даже улучшилось. Вон какой дорогой мобильный торчит у нее на поясе в специальном креплении – трубка ярко-красного цвета с отделкой из натуральной кожи, вся в стразах. Словно подслушав мои мысли, аппарат начал издавать звуки.

Дана вытащила его и поднесла к уху.

– Да, да, едем, – сказала она и вернула мобильный на место.

Я улыбнулась. Дана верна своей привычке: она легко теряла сотовые телефоны, а потом придумала прицеплять их к поясу цепочкой.

– Так как, сильно я постарела? – кокетливо поинтересовалась Дана.

– Нисколечко, – улыбнулась я. – Ты у нас как настоящая стратегическая тушенка, которая хранится полвека без ущерба для качества.

– Скажешь тоже! – хихикнула Дана. – Вот ты шикарно смотришься. А какое пальто!

– На днях купила, – похвасталась я, а затем поинтересовалась: – Почему вы до сих пор на даче? Вроде сезон закончился.

Дана сосредоточенно уставилась в лобовое стекло.

– Да понимаешь, в чем дело... Альбертик, гад, работу бросил, бухать начал. Пока Андре с нами жил, горе-папашка еще сдерживался, а как сын в Италию укатил, с цепи сорвался. У него резьбу сорвало! Короче, мы подали на развод, и тут выяснилось: все пополам делить надо. Помнишь мои проблемы? Сколько я плакала у тебя на кухне...

– Веселое было время, – пробормотала я.

– Ага, обхохочешься, – кивнула Данка. – Главное, сначала Альбертик ничего не требовал, а потом бумага от адвоката приплыла. Я не сразу сообразила, что у муженька моего баба появилась. Это ее работа, стервятины ушлой. Ну и пошла у

нас битва за шмотки. В конце концов договорились: Алику городская квартира отошла, а мне дача.

– Печально, – кивнула я, – у тебя был сложный развод.

– Не, наоборот, хорошо вышло, – засмеялась Данка. – Нашу халупу помнишь? Три комнаты как три спичечных коробка, ванная похожа на мыльницу, кухня – не повернуться. Зато дачка хоть и старая, да четыреста квадратных метров, и участок полгектара, от Москвы недалеко. Мы с Жозей счастливы! Альбертик один разок выгадал момент, когда я в свой магазин в город покатила, и привез новую жену – матери показать. Ой, тут такое было! Жозя со смеху умирала, когда рассказывала! Мадам Колоскова, как фазенду узрела, сначала челюсть уронила, потом не утерпела и заорала: «Ты ж говорил, что тут сарай! Дурак! Ты хоть понимаешь, сколько здесь одна земля стоит? Обобрали тебя!»

Конечно, мы с Жозей в доме ремонт сделали, ты халабуду и не узнаешь. Вот прикатим – удивишься!

– Ты работаешь по-прежнему в магазине? – поинтересовалась я.

Дана засмеялась:

– Давно же мы с тобой не болтали! Я горжусь своей «точкой». Помнишь, я сначала бусами по знакомым торговала... А теперь собственную лавку имею и штат мастериц, я дизайн придумываю, а они изделия собирают. Есть постоянные клиенты. Например, дама по фамилии Яндарова кучу всего ежемесячно заказывает и, думаю, перепродает. Кстати, сейчас в моде крупные аксессуары, а тебе пойдут красные серьги. Ну вот, мы прибыли...

Дана щелкнула брелоком, железные ворота отъехали в сторону, машина нырнула во двор и покатила по узкой, засаженной со всех сторон кустарником и деревьями дорожке к гаражу.

– Как у вас красиво! – ахнула я. – Кто занимается садом?

– Раньше Жозя копалась, – ответила подруга, – но теперь ей трудно, только за птичками ухаживает. Раз в неделю мужик приходит, садовник. Следит за

посадками, траву косит, ветки подстригает.

Продолжая болтать, Дана нажала на пульт, железные ворота гаража начали медленно подниматься вверх.

– Когда же я была тут в последний раз? – продолжала восхищаться я. – Здорово, у вас дом стоит прямо у леса!

– Ты сюда приезжала сто лет назад, – засмеялась Гарибальди. – Да и в городе мы с тобой давно не встречались.

– Дела, заботы... – пробормотала я.

– Надо взять за правило хоть раз в неделю звонить друг другу. А то вон сейчас пришлось тебе про развод рассказывать и про бизнес, – укорила Дана.

– Я великолепно помню о твоих проблемах! И об успехах тоже!

Гарибальди засмеялась.

– Память лучше лишний раз освежать.

Ворота поднялись.

– Ой, «Запорожец»! – охнула я. – Тот самый! Любовь и гордость Жози! Он еще на ходу?

– Зверь-машина, – рассмеялась Дана. – Жозя его ежедневно заводит и проверяет. Как раньше.

– Твоя свекровь на нем ездит? – поразилась я.

– Нет, конечно, – помотала головой Дана. – Но считает «Запорожец» лучшим авто на свете, его же подарил ей Матвей Витальевич. Знаешь ведь, как свекровь обожала мужа. Она даже его кабинет переделать не позволила. Помнишь, он и раньше как музей стоял, да так и остался. Везде ремонт сделали, а в кабинете

Колоскова ничего не тронуто. С внешней стороны, когда на дом смотришь, это странно выглядит: повсюду стеклопакеты – и вдруг одно допотопное окно. Давай, входи, а то, кажется, дождь начинается...

Миновав просторную прихожую, коридор и холл, мы вошли в квадратную кухню-столовую. Данка немедленно бросилась к плите.

– Кофеек сейчас сварганю, – пообещала она. – Еще ватрушки имеются. Вкусные, заразы, с апельсиновыми цукатами!

– Теперь понимаю, отчего вторая жена Альбертика взбесилась, – констатировала я, удобно устроившись в кресле. – От прежней дачи ничего не осталось! Все иное, включая мебель.

– Нет, картины старые, и кабинет Матвея нетронут, настоящий музей, – уточнила Дана и засмеялась. – Да и мы с Жозей прежние. А вот и она! Мам, привет, узнаешь Виолу?

Я встала и повернулась к двери. На пороге стояла хрупкая фигурка. Жозя всегда была стройной и подтянутой, но за тот срок, что мы не виделись, она стала похожа на одну из своих любимых канареек.

– «Виола»? – растерянно переспросила Жозя. – Спасибо, я недавно обедала. Может, к ужину съем кусочек хлебушка с плавленым сыром.

Данка засмеялась:

– Ма, я не о сыре, а о Виоле Таракановой, моей подруге, а теперь писательнице. Чьи это там книжки? Вон, на подоконнике...

Я невольно посмотрела в сторону огромного стеклопакета в темно-коричневой деревянной раме и увидела стопку своих книг. Данка не пыталась сделать мне приятное, рассказывая о своей любви к детективам Арины Виоловой, она и в самом деле скупила их все.

– Это ее романы, – терпеливо продолжала Дана.

– Она их заберет? – спросила Жозя.

– Нет, нет, оставлю, – успокоила я старушку.

– А говоришь, книжки принадлежат гостье, – нараспев произнесла Жозя.

– Виола их написала, – объяснила Данка, – она автор бестселлеров.

Жозя погрозила невестке пальцем, потом глянула на меня.

– Дануся вечно надо мной подшучивает! Я великолепно знаю, как зовут писательницу – Арина Виолова! А в гости к нам пришла Виола Тараканова...

– Мамуля, – перебила ее подруга, – вспомни: мы с тобой вчера смотрели телек. Я увидела Вилку и тебе сказала: «Гляди, Тараканова выступает!»

– Не делай из меня дуру, я имею расчудесную память! – рассердилась бабуля. – Виола Тараканова наша давняя знакомая. Здравствуй, моя милая, замечательно выглядишь, слегка повзрослела, но это ведь естественно!

– Спасибо, Жозя, – улыбнулась я. – Собственно, я теперь уже не взрослею, а старею... Ты слишком деликатна!

– А при чем тут Арина Виолова? – задала вопрос престарелая дама.

– Писательница она, – указала на меня Данка.

– У нас в столовой Виола Тараканова, – напомнила Жозя. – Никакой Арины я не вижу!

– Вилку еще зовут Виоловой, – бестолково объясняла невестка. – Они одно лицо.

Жозя наморщила лоб.

– Виола Тараканова и Арина Виолова?

– Да, – кивнула я.

– Слава богу, разобрались, – обрадовалась Данка.

– Так не бывает, – заявила Жозя. – Ох, юмористка! Ну ладно, пейте чаек, а потом приходите посмотреть на птичек, я буду в вольерной.

Шаркая уютными теплыми шлепанцами из дубленой овчины, Жозя двинулась в сторону коридора. Только тут я сообразила, что она надела свитер наизнанку – ярлычок с названием фирмы торчал на виду, а домашние тапки у старушки оказались от разных пар: на правой ноге красовалась голубая, на левой розовая.

– У Жози склероз? – спросила я, когда мать Альберта ушла.

Дана почесала переносицу.

– Не-а, все отлично. Ну забывает порой мелочи, может имена перепутать или кое-что недопонять. Но Жозя вполне здорова, я за ней в четыре глаза слежу, раз в три месяца на анализы вожу, таблетки даю. Меня врачи уверяют, что она проживет еще долго. Да и с какой стати ей помирать? Она совсем молодая, восьмидесятилетие не отметила. Скажи, она чудесно выглядит?

Последние слова Данка произнесла слишком громко, словно желая скрыть собственное беспокойство.

– Да, да, да, – закивала я, – больше пятидесяти ей и не дать. Насчет склероза я глупость сморозила.

Лицо Даны разгладилось.

– Вот и кофе, – обрадованно сказала она, – а к нему булочки, колбаска, сыр...

Я молча смотрела, как подруга мечется по кухне. Дана рано потеряла родителей и, насколько я понимаю, всю жизнь мечтала иметь большую семью, состоящую из любящих родственников. И ей повезло. Правда, не с мужем. Альберт всегда был эгоистом, он искренне считал, что супруга дура, не способная ничего добиться. Он и не скрывал своего презрения по отношению к жене, а его

насмешки над Данкой вызывали у меня желание стукнуть Алика по носу. Хорошо, что он завел другую бабу и ушел от Даны!

Но вот свекровь ей досталась замечательная. Жозя всегда стояла на стороне невестки, защищала ее, как могла, подсовывала деньги из своей не слишком большой пенсии и фактически вырастила Андре. Тут, наверное, надо сделать некоторые уточнения. Андре по паспорту Андрей, на иностранный манер его с пеленок начала звать Данка, которая очень гордится своим итальянским происхождением. А Жозя по-настоящему Антонина Михайловна Колоскова. Как она стала Жозей? В этом следует «винить» внука – едва научившись лепетать, малыш принялся так называть бабушку, и с его легкой руки это имя прижилось. Так вот, спустя пару лет после свадьбы Дана твердо уверовала, что свекровь ей – самый родной человек, и с тех пор называет ее мамой. Моя подруга видит, что старушка дряхлеет, понимает: рано или поздно настанет момент, когда смерть разлучит ее с Жозей, и страшно боится неминуемого расставания.

Мы попили чаю, потом Дана спохватилась:

– Птички! Пошли скорей, Жозе не терпится похвастаться!

Я покорно потопала в вольер, который был устроен в специальном помещении. Жозя очень любит пернатых, в доме у нее всегда жили канарейки, простые воробьи, попугаи. Каким-то образом дама умеет договариваться с крылатыми – те порхали свободно по квартире, но гадили только в клетках, не портили мебель и вели себя весьма пристойно. Видно, птичкам было хорошо у Жози, и потому они постоянно пели. А на фазенде свекровь Данки держала кур, и местные бабы обивали ее порог, прося рассказать, чем та кормит несушек. Ну по какой причине у них цыпы от ветра дохнут и откладывают мелкие, абсолютно невкусные яйца, а у Жози на насесте гордо восседают красавицы, выдающие по утрам яйца размером с кулак?

– Да нет у меня никаких особых секретов! – отбивалась Жозя. – Просто кур любить надо. Утром поздороваться с ними, с каждой поболтать, о петухах посплетничать, вечером колыбельную спеть, вот и все дела...

Крестьянки вертели пальцем у виска и уходили. Окончательно считать горожанку сумасшедшей им мешал цветущий вид обитателей ее курятника. В общем, местные кумушки пришли к выводу, что Жозя прикидывается дурой, а на

самом деле подсыпает-таки в корм некую чудо-добавку и просто не желает делиться секретом.

– А вот и птичник, – сказала Данка, распахивая дверь.

На секунду я оглохла и ослепла. В просторной комнате стояла жара, со всех сторон несло оглушительное чириканье, с потолка и стен били лучи мощных ламп, в многочисленных клетках порхали разноцветные птицы.

– О! Вы пришли! – обрадовалась Жозя, сидевшая на диванчике с книгой в руках.

Оставалось лишь удивляться, коим образом пожилая дама могла отдыхать в такой обстановке. И в птичнике странно пахло – нет, не отходами жизнедеятельности разномастной стаи, а чем-то вроде лекарств.

– Смотри, Виолочка, – начала экскурсию Жозя, – вон там у меня австралийские птицы. Очень редкие! Знаешь, мне в зоопарке не поверили, когда я сообщила, что мои питомцы вывели птенцов, заявили, мол, в неволе они не размножаются. Ха! У меня самка яйца отложила и высидела их замечательно! Нравится?

– Очень, – покривила я душой, потому что чувствовала себя здесь отчего-то неважно. – А кстати, у вас ведь еще собака была, Линда...

– Да, – грустно ответила Данка, – умерла моя девочка.

– Не расстраивайся! – воскликнула Жозя. – А вот тут «гости» из Африки...

– Вы теперь увлекаетесь экзотами? – поддержала я разговор, очень надеясь, что экскурсия вот-вот завершится.

– А ну перестань! – вдруг воскликнула Жозя и бросилась к одной из клеток. – Только вчера приехал, а уже хамит! У нас так в семье не принято, изволь жить со всеми в мире!

Неожиданно мне стало совсем плохо – в носу защипало, в горле запершило, и, что называется, в зобу дыханье сперло.

– Ты как? – шепотом спросила Данка.

Я попыталась ответить, но не сумела выдать из себя ни звука. Гарибальди быстро выволокла меня из птичника в прихожую и живо распахнула входную дверь.

– Спасибо, – пролепетала я, хватая ртом воздух. А когда я пришла в себя и смогла говорить, то заволновалась: – Наверное, Жозя обиделась!

– Да нет, не переживай, – улыбнулась Данка. – Она как ребенок! Ей новую птичку привезли, а та оказалась с тяжелым характером. Мама вчера весь вечер сокрушалась, до чего конфликтный экземпляр прибыл.

– Где же она берет всех этих экзотов? – запоздало удивилась я.

– Был бы купец, а товар найдется, – усмехнулась Дана. – Птиц я покупаю. Сначала имела дело с частными торговцами, но, понимаешь, пернатые прибывают в ужасном состоянии, чаще всего больные либо донельзя истощенные. Привезешь клетку домой, а ее обитатель через сутки покойник. Жозя так плакала! И денег, конечно, отданных нечистоплотному торгашу, жаль. В общем, я нашла в Интернете сайт и заказываю по каталогу из Германии всяких там дроздов и синиц. Знаешь, я хоть и живу в доме с вольером, но так и не научилась разбираться в пернатых, а вот Жозя у нас – профессор! Она выбирает нужный экземпляр, я оплачиваю, и новый обитатель доставляется самолетом из Франкфурта.

– Скажи пожалуйста! – восхитилась я. – Так просто!

– Да, – согласилась подруга, – теперь стало просто: прикатываешь в аэропорт, демонстрируешь бумаги и везешь домой здорового птенчика. Кстати, ты спрашивала про мою собаку...

– Извини, – быстро сказала я, – не хотела причинить тебе боль, не знала о смерти Линды.

– Ей исполнилось пятнадцать лет, – грустно сообщила Дана, – она умерла от старости. Но я через тот же Интернет нашла щенка, завтра должен в Москву

прилететь. Цвергшнауцер.

– Кто? – не поняла я. – Извини, я не очень в породах псов понимаю.

– Есть просто шнауцер, – охотно пояснила Дана, – есть ризеншнауцер, здоровенный такой, лохматый. Пожалуй, повыше стола будет...

– Господи! Зачем тебе такой мамонт? – невоспитанно перебила я подругу. Но тут же спохватилась и решила обратить некорректное замечание в шутку: – Хотя... сможешь на нем в магазин верхом ездить. Впрочем, если на полном серьезе, то охранный пес в деревне совсем не лишний.

– У нас спокойно, – отмахнулась Дана, – до сих пор двери не запираем. Но ты, как всегда, не дослушала меня. Я ведь вела речь не о великане-шнауцере, а о цверге. Ну-ка, переведи с немецкого!

– Гном, – автоматически ответила я. И засмеялась: – Гном-шнауцер. Карликовый вариант.

– Верно, – кивнула Дана, – маленький, меньше кошки. Такой славный! Вот завтра его привезу, и увидишь. Ты же можешь у нас пару дней пожить?

Я глубоко вздохнула и внезапно ощутила полнейший душевный комфорт. Давно мне не было так хорошо, ни одна будоражащая нервы мысль не лезла в голову. Рукопись я сдала, никаких обязательств не имею, в доме у Гарибальди тепло, уютно, замечательно пахнет свежими булочками и кофе, а мой мобильник молчит...

– Мы с тобой, несмотря на дружбу, ни разу не говорили о твоём творчестве, а тут я прочитала в журнале статью про Виолову, – вдруг тихо продолжила Дана, оглядываясь на плотно закрытую дверь гостиной. – Там говорилось, что ты сначала лично раскрываешь преступление, а уж потом пишешь книгу. Скажи, это правда?

– Ну, в принципе да, – кивнула я. – Иногда мне, правда, кажется, что сюжеты лучше придумывать, но господь обделил меня фантазией. А вот рассказать о реальном случае получается очень здорово.

Данка встала, приоткрыла дверь, заглянула в коридор, потом осторожно захлопнула дверь и заговорила, еще больше понизив голос:

– Боюсь, Жозя услышит, еще волноваться начнет. Тут беда приключилась!

– С тобой? – насторожилась я.

Данка помотала головой.

– Знаешь, иногда происходит цепь случайностей, а потом соображаешь: их судьба специально подстроила. Понимаешь?

– Пока нет, – удивленно ответила я.

Дана села в кресло и поджала ноги. Голос ее стал непривычно серьезным.

– Мы с тобой в последнее время мало общались, даже звонить друг другу перестали, а тут еду в метро, гляжу, девчонка книгу читает, на обложке фото писательницы, написано – «Арина Виолова», и я сразу узнала тебя. Мне так интересно стало! Когда вышла на улицу, к лотку с газетами и книгами побежала, а там несколько твоих детективов продается. Купила из любопытства и, что называется, подсела. Все позвонить тебе собиралась, высказать восхищение, да дела мешали. Магазин, мастерицы... Аксессуарами сейчас многие торгуют, надо крутиться, чтобы выжить. Знаешь, какую я феньку придумала? Украшение из птичьих перьев! Но не о бизнесе речь. Видишь, как получилось: сначала я твои книги приобрела, потом газету о тебе прочитала, а вчера по телику увидела. Тут я и поняла: не случайно все это, надо к тебе обратиться. Ты же мне поможешь, а?

– Непременно, если сумею понять, в чем проблема, – так же шепотом ответила я. – Ты расскажи все по порядку...

Не сразу, но мне удалось разобраться в ситуации. К сожалению, Данка не умеет говорить кратко и емко, поэтому пришлось потратить много времени, задавая подруге вопросы. Но в конце концов в темном тоннеле забрезжил свет, картина произошедшего стала проясняться.

Гарибальди живет в деревне. Да, да, в прямом смысле слова – дом стоит не в охраняемом поселке, а в самом обычном селе. Если вы купили себе коттедж за общим забором, то очутитесь в компании людей примерно одного с вами достатка. А вот в деревне классовое расслоение крайне велико. Данка со своим свежееотремонтированным домом, худо-бедно вертящимся бизнесом и иномаркой считалась в Евстигнеевке ну очень богатой. Местные бабы улыбались Дане, а за глаза шипели, исходя ядом:

– Везет же некоторым! Ни черта не делает, а рубли в таз сгребают. Лишь о себе заботится – сын за границей, мужа нет, живет вдвоем с бабкой. Повозилась бы, как мы, на огороде с утра до ночи, попряталась бы от мужика-алкоголика в овраге, потащила бы на горбу пятерых детишек...

Тем не менее бабы частенько прибегали к Гарибальди с просьбами:

– Даночка, дай сотенку до зарплаты, мой ирод детское пособие пропил!

Дана, почему-то испытывавшая чувство вины перед селянками, охотно вытаскивала кошелек. А попрошайки, живо сообразив, что она не только обеспеченна, но и глупа, увеличили размер кредитов. Счет пошел уже не на сотни, а на тысячи.

Через некоторое время Дана поняла: ее попросту используют. И деньги просят, и охотно приходят в гости с голодными отпрысками – поужинать, и никогда не возвращают долгов. Прозрению способствовал разговор, свидетельницей которого Дана стала совершенно случайно, решив зайти в местный магазин за хлебом. До того дня Гарибальди никогда не заглядывала в сельпо, привозила продукты из Москвы, но в тот вторник она забыла купить в городе хлеб и, подумав, что местный «нарезной» тоже сойдет, поспешила в лавку.

Дело было летом, Дана побежала за покупкой, нацепив босоножки на каблуках. Каблуком зацепилась о какой-то камень да шлепнулась прямо под открытым окном продмага. Она не ушиблась, улыбнулась лишь своей неловкости, начала

подниматься, коря себя за то, что надела неуместную в деревне обувь, и тут из окна до нее донеслись голоса.

– Бери колбасу, – хрипло предложила продавщица, – свежая, утром привезли.

– Не надо, – ответила Таня Ларюхина, главная местная сплетница. – Макарон насыпь!

– Чегой-то ты перестала «Докторскую» брать? Вегетарианкой заделалась? Здоровенькой помереть решила? – засмеялась торговка.

– Да не! Зайду к этой дуре Гарибальди и пожру сервелату, – объяснила Ларюхина. – Чего зря деньги тратить, когда у ней задарма угоститься можно! Я и конфеты детям теперь не беру. Едва завою: «Мамка, сладкого хотим», – отправляю их к Данке. Ступайте, мол, ребята, к соседке, у ней и трескайте шоколадки.

– Ваще денег не считает! – подхватила лавочница. – В долг дает по первой просьбе!

– Видать, средств много, раз не жаль, – отметила Татьяна. – Харитоновы за ее счет давно бухают.

– Вот идиотка!

– Ваще без ума!

– А уж страшная!

– Потому и мужика потеряла.

– Говорят, сын ее бросил, не захотел с матерью-транжирой жить.

– Да ты че?! Вот интересно! Откуда ж у ней бабки?

– Хрен ее знает! Наверняка ворует. По-честному таких денег не заработать, – подвела итог беседе продавщица.

Хлеба Данка в тот день не купила. Вернулась домой и сразу полезла под душ – ей захотелось отмыться от грязи. Едва она вышла из ванной, как в дверь позвонила Ларюхина и, как всегда, мило улыбаясь, проворковала:

– Даночка, чего поделываешь? Пусти сериальчик по хорошему телику поглядеть, на большом экране лучше, чем по спичечному коробку.

Гарибальди прищурилась:

– Наверное, и от бутерброда с колбаской не откажешься?

– Если угостишь, то с удовольствием, – согласилась сплетница.

– Деток дома оставила? – усмехнулась Дана. – Как же они без шоколадных конфеток спать пойдут?

Лицо Ларюхиной вытянулось.

– Ты о чем?

– Надоело вас кормить! – рявкнула Дана. – Больше не шляйтесь! Придется тебе самой колбасу покупать, на меня больше не рассчитывай, пришел конец лафе. И остальным передай: банк закрыт, а долги пора возвращать!

Узнав, что дойная корова перестала давать сливочки, местные жители обозлились и принялись мстить. Сначала в саду у Гарибальди оборвали цветы, потом некто вывалил ей под дверь тачку с навозом... Вот после этого случая в село приехала милиция и арестовала за хулиганство Петра, сына Ларюхиной.

– Я ничего не делал! – орал парень, когда его тащили в отделение.

– Надо Данке стекла камнями побить! Красного петуха пустить! Черепицу расколотить! – возмущались приятели Пети.

Но потом в село вернулась заплаканная Танька, побежала по соседям, и народ попритих. Идиотка Дана оказалась вовсе не душой. По периметру ее участка и над входом в дом, как выяснилось, установлены видеокамеры, и Ларюхиной продемонстрировали «кино»: Петя выливает на ступени коровье дерьмо.

– А еще есть записи, как Дана деньги в долг давала, – всхлипывала Татьяна. – Ейный адвокат сказал: «Теперь никто не отвертится, вернете все до копеечки». О как! А еще она вчера оружием обзавелась, оформила по закону. Если кого во дворе без приглашения увидит – пристрелит, и будет вроде права. Нарушение границ частной собственности!

Петр получил два года условно, местное население притихло, к Данке и Жозе больше никто не лез. Более того, все стали невероятно вежливы с ними, но ни молодая, ни пожилая хозяйка уже не желали ни с кем дружить. Исключение было сделано только для Насти – учительницы местной школы и жены ее директора. Милая, интеллигентная, легко краснеющая даже от намека на грубое слово Анастасия частенько прибегала к Дане почаевничать.

Некоторое время назад Гарибальди заметила, что та плохо выглядит, похудела и осунулась. Не выдержала, спросила:

– Ты не заболела?

– Нет, все нормально, – вяло ответила Настенька.

– Худеть решила? – не отставала Данка. – Вот глупость – диетами себя мучить!

– Да не до диеты мне, – вымученно улыбнулась Настя.

– А юбки сваливаются! – воскликнула Гарибальди. – И от торта отказалась, а он домашний, мой фирменный.

– Меня от сладкого тошнит, – призналась подруга.

– Ой! Ты беременна! – подскочила Дана.

Настя молча опустила голову. И тут Гарибальди, не являющаяся образцом тактичности, решила пошутить и ляпнула:

– А кто папочка младенца? Он знает о твоём положении?

Дане вопрос казался «юморным», она ожидала, что Анастасия рассмеется и ответит: «Ну ты даешь! Ясное дело, дед Сергей! Я давно состою в связи с местным бомжом, обожаю пьяниц и придурков!»

Но Настя отреагировала иначе. Глаза ее мгновенно наполнились слезами, она прижала руку ко рту, потом сдавленно прошептала:

– А ты откуда знаешь? Уже в деревне болтают?

– О чем? – изумилась Дана.

– Ну... обо мне... и... вообще... – мямлила учительница.

Дана изумилась:

– Погоди, ты что имеешь в виду?

Настя разрыдалась и рассказала невероятную историю. Они с Леонидом, едва поженившись, стали мечтать о ребенке, но малыш никак не получался. Супруги испробовали народные средства, помогающие зачатию, затем обратилась в медцентр. Специалисты провели множество анализов и вынесли вердикт: здоровы оба. Вопрос: «Почему же тогда Настя не беременеет?» – повис в воздухе.

Два месяца назад Леонид уехал в Москву и задержался там на три дня. Настя решила съездить к супругу, благо это недалеко. Хорошо проведя время в столице, она села на последнюю электричку и отправилась домой в Евстигнеевку.

Когда она сошла в Манихине, уже стемнело. Рейсовый автобус вечером не ходит, и Настя побежала напрямик через лес. Тут-то на нее и напали, стукнули по голове. Учительница упала, потеряла сознание, а когда очнулась, поняла: у нее

не только украли сумочку и пакеты с покупками, но еще и изнасиловали.

В полном шоке Настя добралась домой, проревела до утра и решила никому не сообщать о случившемся. В деревне люди памятливые, сто лет пройдет, а внуки местных кумушек будут повторять: «Это случилось в тот год, когда чужой мужик над учительницей надругался».

Поэтому, чтобы не стать притчей во языцех, Настя решила все скрыть.

– Дурочка! – вспылила Данка. – А милиция на что?

Настя безнадежно махнула рукой:

– Наш участковый под каблуком у жены, а его Наташка в магазине за прилавком стоит. Только я принесу заявление, сплетни птицами полетят.

– А Леня о том случае знает?

– Нет, – прошептала Настя. – Мужчины ведь ревнивы... Вдруг еще уйдет от меня? Со всех сторон тридцать восемь получается! Если обращусь в милицию – в школе проблемы начнутся, родители будут кляузы в район строчить, что-нибудь про развратную училку писать, Леня обозлится. Нет, я воды в рот набрала. А месяц назад поняла, что беременна...

– Здорово! – обрадовалась Дана. – Вы же так хотели малыша! Наверное, Леонид на седьмом небе.

– Он не в курсе, – шмыгнула носом Настя.

– Ты не сообщила о беременности мужу?

– Нет!

– Ничего не понимаю, – растерялась Гарибальди.

Настя посмотрела на нее исподлобья.

– Мы долго лечились, но результаты – ноль. А потом меня изнасиловали и... По срокам получается, что отец не Леня.

– Вау! – выпалила Данка. – Слушай, наплюй! Родится ребеночек, станете жить счастливо.

– Сначала я тоже так подумала, – пролепетала Настя, – но вскоре другие мысли в голову полезли. Мы с мужем похожи – оба светловолосые, голубоглазые, невысокие.

– И что? – перебила ее Гарибальди.

– Тут повсюду стройки... – продолжила Настя. – Кто меня мог изнасиловать? Местные жители? Маловероятно, здесь спокойно. К тому же наши парни в основном по водке специализируются, нажгутся – и спать. А вот гастарбайтеры... Если это был какой-нибудь выходец из Средней Азии, то на свет родится смуглый ребенок восточного типа, у них генетика сильная. Что Леня подумает?

– М-да... – крикнула Дана. – Подожди, ведь вполне вероятно, что отец украинец или белорус, их тут теперь тоже масса.

– Вот я все и сомневаюсь... – Настя заплакала. – Я теперь понимаю – проблема была в Лене. Представляешь его реакцию? Если жена от другого забеременела, а от него не могла, значит, он с дефектом. И еще: вдруг это мой единственный шанс стать матерью?

– Ну и дела... – протянула Данка.

А Настя вытерла глаза рукавом платья, открыла сумочку, вытащила из нее недр листок и молча протянула Дане.

– Что это такое? – изумилась та и развернула бумажку.

«Знаю все. Молчание стоит пять тысяч долларов. Если через неделю не получим деньги, о вашей тайне узнают все».

– Ужас, да? – прошептала Настя. – Кто-то в курсе!

– Ни в коем случае не плати! – взвилась Дана. – Иначе никогда не избавишься от шантажиста!

– Нет, лучше отдам то, что он требует, – не согласилась учительница.

– Пойми, гад не успокоится, пока не вытащит из тебя все до копейки, – справедливо заметила Гарибальди. – Сделай аборт и, если сукин сын сообщит Леониду правду, спокойно возражай: «Вокруг полно сумасшедших, я не беременна».

– Лишиться долгожданного малыша?! – с ужасом спросила учительница.

– Тогда расскажи обо всем мужу. Ты же не изменяла ему, стала жертвой насилия.

– Потерять Леню? – заплакала Настя. – Он ведь меня бросит!

– Так что делать? – воскликнула Гарибальди.

– Одолжи мне денег, – попросила Настя. – Я верну. Накоплю и отдам.

– Ну уж нет! – топнула ногой Данка. – Ради твоего же блага не дам! Объяснись с Леной!

– Спасибо за совет, – кивнула та, – непременно обдумаю его.

После ухода подруги Дана так и не сумела уснуть. С одной стороны, она была уверена, что поступила совершенно правильно: если протянешь шантажисту палец, он не только руку, но и полтуловища отхапает. С другой – Настя уходила крайне удрученной. С третьей – пять тысяч долларов большая сумма, а у Гарибальди средства вложены в бизнес. С четвертой – Анастасии следовало помочь. С пятой...

Впрочем, вполне хватило и уже перечисленных причин, чтобы всю ночь повертеться под одеялом. Слегка вздремуть Дана удалось лишь под утро, но

забытие оказалось недолгим. Над Евстигнеевкой полетели вопли, истеричный женский плач, визг.

Уж на что Дана не желала связываться с соседями, но даже она выскочила на улицу и спросила у местных баб, толпившихся на дороге:

– Что случилось?

– Настя повесилась! – заголосили тетки. – Училка наша, директорская жена! В сарае удавилась, оставила записку: «Прости, милый, никому не верь, я любила одного тебя». Ой, говорят, она мужика завела! А Леонид Палыч их застукал!

Дане стало дурно. Держась за забор, она вернулась домой и упала на кровать. Ну что мешало ей вчера пообещать подруге денег.

Анастасия бы успокоилась. А Гарибальди без промедления следовало кидаться к Леониду и объяснить ситуацию, в которую попала его супруга. Леня интеллигентный, мягкий человек, он бы все правильно понял! А так получается, что Дана толкнула подругу в петлю...

– Ты не виновата! – быстро сказала я. – И вовсе не обязана брать на себя ответственность за чужую судьбу.

– Настя просила помощи, а я не смогла дать ей нужный совет!

– Она хотела не совета, а денег. Кстати, совсем не маленьких. У тебя их могло и не быть, – решила я утешить Дану.

– Надо было отправиться в банк и взять ссуду, – мрачно возразила она, – а я прочитала ей лекцию и спокойно отпустила домой.

– Ты не виновата!

Дана отвернулась к окну.

– Ты абсолютно не виновата! – с жаром повторила я. – Кто-то узнал об изнасиловании. Может, подглядывал из кустов... Хотя вполне вероятно, что в

шантаже замешан сам насильник. Сначала надругался над учительницей, а потом, сообразив, что она боится поднять шум, решил еще и руки нагреть. Вот гад! Думаю, он из местных. Гастарбайтеры на такое не пойдут, они пугливы. Даже если кто-то из них изнасиловал женщину, просто убежал бы, и все. Шантажировать не стал бы, побоялся. Да и текст записки явно написан человеком, для которого русский язык родной. Нет, здесь точно поработал кто-то свой...

– И мне очень хочется его найти, – перебила меня Дана, – может, поможешь?

Глава 4

На следующее утро, около восьми, в комнату, где я спала, вошла, держась за голову, Дана.

– Вилка, дрыхнешь?.. – протянула она. – Впрочем, прости за идиотский вопрос. О, как мне плохо!

Подруга со стоном рухнула в стоящее у стены кресло.

Я села и участливо спросила:

– Мигрень?

– Ужасная, – прошептала Данка.

Потом вдруг резко вскочила, кинулась к окну, распахнула его и перегнулась через подоконник. По моим ногам побежал холодный ветер. По утрам в сентябре зябко, да еще сегодня моросил мелкий противный дождь.

– Осторожно, не упади, – сказала я.

– Мы на первом этаже, – уже нормальным голосом ответила Дана, – лететь недалеко.

– Все равно не следует висеть вниз башкой, – не успокаивалась я, – только хуже станет, иди ляг в кровать. Погода меняется, вот твои сосуды и отреагировали.

Данка закрыла окно и упала в кресло.

– От воздуха легче. В моей спальне дышать нечем, я себе после ремонта комнату в мансарде оборудовала.

– Под крышей? – удивилась я. – На втором этаже у вас пустая спальня.

– Хотела тишины, – призналась подруга. – И потом... э... пойми меня правильно... на второй этаж ведет широкая, удобная деревянная лестница, а выше – винтовая.

– И что? – не поняла я.

Дана схватила со спинки салфетку, накинула ее себе на лицо.

– Свет резкий, – пожаловалась она. – Жозе по отвесным ступенькам туда не залезть. Ее комната внизу, у нее ноги болят и с равновесием плохо, на второй этаж старушка еще залезает, а дальше никак. У Жози была подруга, Люся, та в семьдесят сломала шейку бедра и скончалась. У мамы с той поры страх, она уверена, что такая травма смертельна, хоть я ей и повторяю: нынче просто сустав заменяют, через месяц после хирургического вмешательства старички сайгаками скачут. Не верит. Я очень люблю Жозю, встаю ежедневно в шесть, чтобы в магазин к открытию прирулить, пробки же на дорогах. Выспаться удастся только в понедельник, в мой выходной. А Жозя вскакивает с птичками в пять, и ей ничего не стоит пришлепать в мою спальню – на циферблат она не смотрит – и с самыми лучшими побуждениями объявить:

«Я кофе сварила. Хочешь чашечку?»

Жозя беспокоится о моем здоровье. Я люблю утром пить кофе с молоком, а вечером какао. Только из города приеду, возьмусь за банку, а она тут как тут, с заявлением: «Какао плохо для твоей головы!» Вот я и нашла выход. Оборудовала себе спальню в мансарде и там же некое подобие кухоньки устроила: чайник, небольшой холодильник, шкафчик с запасами. Только пойми меня правильно! Я

очень, очень люблю Жозю, она мне как мать и...

– Можешь не продолжать, – усмехнулась я, – ты в поисках покоя устроилась на самом верху, куда по винтовой лестнице старушке не добраться.

– Да, – глухо ответила Дана и сняла салфетку. – Фу, как мне плохо. Извини, только-только жаловалась на Жозю, а сама выдернула тебя из-под теплого одеяла на заре.

– Ерунда, – покривила я душой, – я уже проснулась. Чем могу помочь? Хочешь, сделаю завтрак? Только честно предупреждаю, повариха из меня никудышная, яйца всмятку не заказывай! Еще ни разу, даже если стою над кастрюлей с часами в руках, не удалось получить твердый белок и жидкий желток. Отчего-то постоянно выходит наоборот!

– Это же невозможно, – неожиданно улыбнулась Дана, – белок всегда сварится раньше.

Я развела руками:

– Прости.

– Я не хочу есть, вопрос в другом.

– Говори. С остальным я легко справлюсь, – опрометчиво пообещала я.

– Ты же водишь машину?

– Да, но сейчас временно осталась без автомобиля. Джип вернула старым издателям, купила малолитражку, да неудачно. Живо продала ее, заказала в салоне новую и пока передвигаюсь пешком. Ты же знаешь последние события моей жизни,[3 - Как Виола разошлась с мужем и порвала с ближайшей подругой Тамарой, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».] я вчера рассказала вам с Жозей про свой развод.

Данка кашлянула и вздрогнула.

– Ой, головой двигать не могу! Поняла, тачки у тебя нет. Но права имеются?

– Конечно.

– Можешь скатать на моей коробчонке в аэропорт?

– В принципе да. А зачем?

– Собачку встретить.

– Кого? – изумилась я.

– Вечером я говорила тебе о цвергшнауцере, он сегодня прилетает из Франкфурта.

– Ага! – вспомнила я.

– Щенка надо забрать.

– Я сумею?

– Конечно, это элементарная процедура, – забубнила Дана. – Все оплачено, вот нужные бумаги, зал номер семь, там отдашь квитки и получишь Мусеньку.

– Цвергшнауцера кличут Мусей? – засмеялась я. – Не слишком пафосно.

– Вообще-то она Беатриса Каролина Третья Гросс Шлосс из Эттинга, – пояснила Дана. – Но я посмотрела на фото и сразу поняла: прилетит Муся. Полное имя лишь для выставки. Уже купила ей розовую подстилку, шлейку со стразами и миску с надписью «Girl».

– Думаю, Муся устроится на ночлег в твоей кровати, и личный матрасик ей не понадобится, – вздохнула я. – Давай ключи. Вот только одна проблема... Хотя я и имела когда-то дома живность, но недолго, животных не понимаю и слегка побаиваюсь. Правда, кошек меньше, чем собак.

– Это ты зря, – с явным трудом выговорила Гарибальди, – киски непредсказуемы, а когти у них острее бритвы, с псом легче договориться. Так в чем незадача?

– Твоя фон баронесса третья меня не укусит? Посажу ее на сиденье, а она на меня набросится... Мало ли чего собачине покажется, еще кинется и сожрет водителя!

Данка расхохоталась и опять рванула к окну. Высунувшись по пояс на улицу, она оттуда сказала:

– Мусе два с половиной месяца, она чуть больше апельсина и намного меньше буханки черного хлеба. В столь нежном возрасте щенята обожают окружающих и кидаются на людей только с желанием поцеловаться. К тому же Мусю выдадут тебе в перевозке, специальном боксе. Умостишь его на заднее сиденье – и рули спокойно.

– Вот и отлично, – успокоилась я. – Не волнуйся, доставлю твою собачку в лучшем виде.

До аэропорта я докатила без особых приключений. И зал, в котором происходит выдача живых посылок, обнаружила легко.

Симпатичный молодой человек в форме таможенника внимательно изучил бумаги и сухо произнес:

– Подождите, пожалуйста, сейчас привезут клетку.

Я опустилась в кресло и начала перелистывать один из журналов, лежащих на стеклянном столике. Через пятнадцать минут мне надоело читать про лаковые сапоги и модные береты, и я уже начала подумывать, не спросить ли у служащего, куда подевалась собака, но тут послышался грохот, железная дверь в дальнем конце комнаты распахнулась, и в помещение вкатилась тележка, на которой громоздилась здоровенная ярко-голубая конструкция из пластика.

– Получите – распишитесь, – бойко проорал парень в комбинезоне, толкавший каталку. – Тяжелая, зараза!

Я разочарованно опустила взгляд в журнал. В зале находилось еще несколько человек, и в голову мне пришло: наверное, кто-то выписал себе слона. Отчего я была столь уверена, что сейчас привезли не Мусю? Объясняю: навряд ли экономные немцы посадят крохотного щеночка в перевозку, которая по размерам обогнала «Газель».

– Госпожа Гарибальди, получите груз, – сказал офицер.

Я мирно перелистывала страницы с фотографиями.

– Данунция Гарибальди, ваш заказ прибыл! – не успокаивался таможенник.

– Сколько можно ждать? – возмутился сидевший на диване мужчина в пальто. – Я пришел сюда час назад!

– Пока госпожа Гарибальди не заберет клетку, я не могу заниматься другим делом, – отрезал парень в форме.

– Где же она, эта чертова баба? – взвился мужчина.

– Если получатель отсутствует, увезите животное и обратите свое драгоценное внимание на других людей, – ехидно заметила блондинка, скучавшая в кресле.

– Данунция Гарибальди! – надрывался таможенник. – Идите сюда!

Я отложила глянцевого издание.

Очевидно, я прокукую тут сутки, пока вынесут Мусю. Ну почему получательница слона не торопится? Минуточку! Выкрикивают же фамилию Данки...

– Здесь! – заорала я и рванулась к стойке.

– Проснулась! – прошипел скандалист в пальто. – Доброе утро!

Не обращая внимания на ядовитое замечание, я улыбнулась таможеннику.

– Вот, – профессионально вежливо заявил офицер, – ваш груз. Уносите.

Я икнула:

– Как? В руках? Простите, но это невозможно.

Парень прищурился, потом сделал выразительный жест пальцами правой руки, указательным и большим.

– Договоримся, киса, – пообещал он. – Куда пинать перевозку? Авто имеется?

– А почему упаковка такая большая? – сообразила спросить я.

Таможенник пожал плечами:

– Мое дело выдать прибывшее соответственно предъявленным документам. Проверять присутствие отсутствия будете?

Нет, все-таки хорошо, что в моей жизни когда-то был майор Олег Куприн. Нормальному человеку фраза про «присутствие отсутствия» может показаться по меньшей мере странной, но я, бывшая жена мента, элементарно разбираюсь в подобных пассажах.

– Непременно, – кивнула я. – Давайте выведем прибывший контингент в свободно ограниченное пространство накопителя и произведем предусмотренные правилами действия: осмотр единицы перевозимого имущества живого состояния.

Офицер улыбнулся. Он явно почуял в клиентке родственную душу, поэтому решил проявить заботу – вышел из-за стола и открыл пластиковую дверь короба.

– Котенок, – засюсюкала я, – выходи, любимая!

– Вы встречаете кошечку? – с неподдельным интересом спросила молодая женщина в кресле.

– Судя по размеру клетки, гиену, – фыркнул мужчина в пальто.

– Можно посмотреть? – не успокаивалась дамочка.

– Конечно, – кивнула я и пояснила: – Только там не гиена вовсе, а щенок. Фон барон, то есть баронесса, короче, Муся, крохотная, как гном.

Из глубины клетки высунулось нечто небольшое, черное и лохматое.

– Надо очки надеть, – засуетилась девица и начала рыться в сумке.

– Иди сюда, – поторопила я.

Но комок шерсти не пошевелился.

– Она же из Неметчины, – неожиданно приветливо сказал мужчина, – по-нашенскому ни бум-бум не понимает! С ним надо по-другому. Эй, зитцен!

– Komm, mein Herz, – сказала я. – Bitte, keine Angst.[4 - Иди, мое сердце. Пожалуйста, не бойся (нем.).]

– Здорово вы шпрехаете, – похвалил меня мужчина.

– Вообще-то я уже подзабыла язык, – призналась я. – Раньше без проблем говорила, а сейчас слова подыскиваю.

– Для беседы с псиной вашего запаса хватит, – приободрил меня мужчина.

– Мама, – взвизгнула девушка. – Это что? Кто? Оно идет сюда!

В голосе незнакомки звучал неприкрытый ужас. Я вздрогнула, посмотрела в сторону пластмассового «дома» и мигом вспотела.

Из отверстия выползло нечто. Вернее, некто, полностью покрытый черной, сильно вьющейся шерстью. Сначала мне показалось, что собачка размером с небольшой чемодан, но, когда далее потянулись две лыжи-лапы, я сообразила: в

перевозке прячется монстр.

Блондинка завизжала и бросилась за стойку рецепшен.

– Так вот ты какое, лох-несское чудище! – выпалил мужчина и со скоростью ящерицы нырнул за диван.

– Я фигею без баяна, – взвыл носильщик и рухнул под тележку.

На своих местах остались лишь я и таможенник. Меня от ужаса просто парализовало. А офицер, очевидно, отчаянно храбрый человек, продолжал исполнение служебных обязанностей.

– Прошу спокойствия, – твердо заявил он. – По документам животное – щенок двух с половиной месяцев, поэтому подвергался перевозу без намордника.

– Если ща он маленький, то страх представить, че из него вырастет, – глухо прозвучало из-под тележки.

– Документы небось перепутали, – подал голос мужчина, но из-за дивана не вылез.

– Это невозможно. Сопроводительные бумаги в порядке! – отрезал офицер.

Тут ко мне вернулась способность шевелить языком, и я прохрипела:

– Значит, в Германии ошиблись! Я ожидала цвергшнауцера, а не мамонта!

Щеночек тем временем выполз полностью и бойко встряхнулся. Я постаралась не завопить от ужаса. Милое животное было крупнее пони и, если честно, смотрелось устрашающе.

– Цверг – это гном, – дрожащим голосом продолжала я. – А тут кто?

– Нефиговый карлик, – прокомментировал увиденное из-под тележки носильщик. – Гном кинг сайз!

– По документам «цвергшнауцер малолетний», – отрапортовал офицер. – Берите и уходите.

Щенуля медленно подошел к батарее и задрал заднюю лапу.

– Смотрите! – заорала я. – Он же мальчик!

– Каким образом вы определили пол? – заинтересовался таможенник.

– Ты дурак? – не удержалась я.

Три головы высунулись из укрытий.

– Так только мальчики писают, девочки присаживаются, – решила просветить таможенника блондинка.

– И видно, чем он ссыт, – вздохнул мужик. – Впечатляющее зрелище.

– Не возьму его! – топнула я. – У нас девочка, Муся!

– Нет! – напрягся офицер. – В бумагах стоит: Беатрис Каролин Три Гросс Шлосс из Эттинга, пол не указан. Может, она, а может, он.

– Беатриса Каролина Третья, – поправила я.

– Сами почитайте, – протянул документ офицер. – И чего?

– Беатриса – женское имя, – стояла я на своем.

– Здесь «Беатрис», без «а» на конце.

– Все равно, это не для кобеля название.

– Про писателя по имени Эрих Мария Ремарк слышали? – неожиданно спросил таможенник.

- Да, - изумилась я. - Но при чем тут автор культовых романов «Три товарища» и «Триумфальная арка»?
- И кто он, мужик? - не успокаивался офицер.
- Конечно.
- А имечко «Мария» при чем? Оно бабье!
- Ремарк взял его в память о своей матери, - начала было объяснять я, но таможенник воскликнул:
- Забирайте груз, и точка! Имя тут не играет роли, назваться можно хоть табуреткой.
- Не хочу, - честно призналась я. - Отправляйте его назад.
- Это невозможно.
- Почему?
- Здесь зал прибытия.
- Как прилетел, так и улетит, - обозлилась я. - Грузите его обратно в самолет!
- Ишь какая хитрая... - растерял холодную официальность парень. - А билет? Документы? Его переоформить надо, а в мои обязанности подобная хрень не входит!
- Что же делать? - растерялась я.
- Хватай чудище, волоки в зал отлета, оплачивай расходы или выводи его за пределы аэропорта и кидай в лесу. Мне фиолетово! - заорал офицер. - Груз выдан, и чао какао! Не мешай остальным. Эй, как тебя там, с тележкой, вези свое добро.

Я вновь потеряла дар речи. И тут «пони» подошел ко мне и... поставил передние лапы мне на плечи. Из-под черных волос глянули два коричневых глаза, потом монстр разинул пасть и живо облизал мое лицо розовым языком. Пес явно пытался продемонстрировать дружелюбие, на его морде появилось некое подобие улыбки. Он словно говорил: «Прости, мама, незадача вышла. Да, я большой, но ведь не виноват в этом. Люблю тебя от всего своего шнауцера сердца!»

Ужас прошел, я погладила гиганта по голове, почувствовала, что шерсть его нежнее шелка и больше напоминает пух цыпленка, чем собачью шкуру, и сказала:

– Пошли, Муся, не оставлять же тебя тут.

Глава 5

С некоторым трудом я запихнула Мусю на заднее сиденье (на переднее он не влезал). Клетку-перевозку я в припадке щедрости подарила носильщику. Конечно, я понимала, что короб стоит немаленьких денег, но скажите, пожалуйста, коим образом засунуть его в легковой автомобиль? Легче поступить наоборот: вкатить машину в пластиковый куб.

Парень с тележкой очень обрадовался презенту.

– Супер! – пришел он в восторг. – Давно сарай на даче поставить хотел.

Я лишь вздохнула, устраиваясь за рулем. Надеюсь, я поступила правильно. А правда, что было делать? Ну не выкидывать же Мусю? Кстати, имя совершенно не подходит цвергу-переростку, его следует звать иначе. Ладно, Дана подыщет питомцу другую кличку. А кстати, интересно, почему в доме у подруги никто не берет трубку? Я набирала номер раз десять, не меньше! Хотя Данка небось приняла таблетки от мигрени и сейчас спит. А Жозя хлопчет в вольере, занимается любимыми птичками.

– Надеюсь, тебя не стошнит? – спросила я у Муси и завела мотор. – Однако день почти прошел, я провела на таможне кучу времени! Просто с ума сойти!

Свернув на улицу, где находился дом Гарибальди, я ощутила тревогу. Что-то случилось! На дороге стоит «Скорая помощь», чуть поодаль маячит «козлик» с надписью «Милиция», а вокруг толпятся местные жители – кто в байковом халате, кто в ватниках и калошах (последние, похоже, прибежали с огорода, бросив копать картошку). Тревога сменилась страхом: что способно отвлечь российского пейзажника от сбора любовно выращенного корнеплода? Картофель – это наше все!

Я выбралась из автомобиля и бросилась к дому.

– Нельзя! – остановил меня юный лопухий сержант.

– Я живу тут, – буркнула я и, отпихнув его, влетела в дом.

По коридору плыл резкий запах сердечных капель. Ноги принесли меня в гостиную, я с облегчением увидела совершенно живую и здоровую Жозю, сидящую на диване.

– Ой, слава богу, все в порядке! – воскликнула я. – Зачем окно открыла? Простудишься!

И тут из сада донесся незнакомый голос:

– Давай жесткие носилки! Куда на перелом мягкие припер?

Одним прыжком преодолев полкомнаты, я очутилась у подоконника и высунулась наружу.

Около кучи цветных тряпок сидела на корточках женщина в синей куртке, спину которой украшала надпись «Скорая помощь». Рядом стоял полный лысый милиционер, фуражку он держал в руке. Чуть поодаль маячил парень с носилками и несколько местных мужиков, которых, очевидно, позвали на помощь.

Мне понадобилась пара секунд, чтобы понять: груда цветных тряпок на самом деле Данка, прикрытая сшитым из кусков разномастной ткани одеялом.

– Она умерла! – закричала я.

Доктор подняла голову и с чувством произнесла:

– Типун тебе на язык!

– Вы кто? – сурово осведомился мент.

– Ее подруга, тут в гостях. Что случилось?

– Подождите, сейчас отправим пострадавшую в больницу и вас опросим, – пообещал участковый.

– Куда увозят Дану?

– Минуту, все сообщу, сядьте спокойно, – приказал милиционер.

Я безропотно послушалась и плюхнулась около Жози. Старушка прижалась ко мне и задрожала.

– Ты видела происшествие? – спросила я.

Жозя замотала головой:

– Я ничего не знаю! Чистила клетку, а Дана спать пошла. У нее мигрень случилась, она в таких случаях всегда под одеяло заползает и сутки не спускается.

Трясаясь и шмыгая носом, Жозя продолжала рассказ. Я не перебивала старушку, подумав: в данной ситуации ей лучше выговориться.

– Дана очень заботлива, перед тем как рухнуть в постель, вынула из холодильника суп, налила его в тарелку и поставила в СВЧ-печку. За беспамятную идиотку меня держит, – шептала Жозя, – боится, я про обед забуду. А еще она меня к хозяйству не подпускает. Вот и сегодня приказала: «Закончишь в вольере, поешь борщ. Посуду не мой, посмотри телик. Я встану и уберу, а потом тебе плюшек напеку. Раньше чем к полднику Вилка не вернется. Так что, если мне станет лучше, я успею сладкое сделать».

Жозя выполнила указание невестки – поела первое. Потом села наслаждаться сериалом. Затем глянула на часы и решила разбудить Дану. На третий этаж по винтовой лестнице старушке не залезть, поэтому она вскарабкалась на второй и заорала:

– Дана! Ты хотела булочки испечь!

Но из спальни невестки не донеслось ни звука.

Жозя позвала ее еще раз. Как правило, Дана всегда отзывалась, кричала:

– Хорошо, мама, скоро спущусь.

Но сегодня в мансарде царила тишина. Больше тревожить Дану старушка не решилась.

– Подумала, у нее с головой совсем плохо. Бог с ними, с булочками, лучше бедняжке выспаться спокойно, – шептала Жозя, прижавшись ко мне. – А потом Вера пришла!

– Это кто? – перебила я ее.

– Расторгуева, – неожиданно вмешался хриплый мужской голос, – соседка, напротив живет, до всего ей дело есть. Жозя, вы меня чаем не угостите? Я продрог на ветру!

– Конечно, Глебушка, – закивала Колоскова и пошла на кухню.

– Старший лейтенант Грибков, Глеб Сергеевич, – представился милиционер. – Жозе лучше не вспоминать об этом. А вы кто?

– Виола Тараканова. Под псевдонимом Арина Виолова пишу детективные романы, – сухо ответила я.

Глеб несколько секунд разглядывал меня, потом хлопнул себя ладонью по лбу:

– Точно! А я все думал, где ваше лицо видел... В телике! Недавно программа была!

– Верно, – кивнула я.

– Вы подруга Даны? – Глеб приступил к допросу.

– Да, она меня погостить позвала.

– Давно знакомство водите?

– Не один год.

– Ну надо же, какие люди к нам в Евстигнеевку наведываются! – восхитился участковый. – Звезды! Впервые с человеком из телевизора в одной комнате нахожусь!

Я с недоверием посмотрела на Глеба. Он издевается? Хотя, не похоже.

Милиционер тем временем, не обращая внимания на выражение моего лица, говорил:

– Вот мой шурин в ДПС служит, на Рублевке стоит. Он привык к знаменитостям, штрафует их, вечно потом хвастается, кто ему чего подарил: один диск с песнями, другой кассету с фильмом, третий книгу. А теперь и я не в лаптях! Вы мне автограф дадите?

Глупость участкового раздражала меня, но, услышав просьбу, я моментально включила автопилот для читателей и ласково заулыбалась.

– Покажу шурина, пусть заткнется, – продолжал между тем старший лейтенант. – А то взял моду, дразнится, дояром меня зовет. «Ты, – говорит, – у нас мастер машинного доения, спец по розыску сдохших кур». Обидно ведь!

Автопилот дал сбой, улыбка стекла с моего лица.

– Немедленно объясните, что случилось с Даной! – потребовала я.

– Так Верка из своей халупы увидела... Вечно баба у окна торчит, – запыхтел участковый, – огород не убран, скотина грязная, корова по шею в навозе, а хозяйка за соседями зыркает. Хотя сегодня ее нехорошая привычка Гарибальди жизнь спасла. Если Дана выздоровеет, ей надо Вере подарок купить. Кабы не ейное любопытство, точно померла бы баба. Жозя-то в сад не сунется, дождь идет. И ваче, зачем ей? Не в туалет же бечь? Он в здании, хорошая у них дача!

– Хватит болтать, отвечай конкретно! – рявкнула я.

Глеб Грибков вздрогнул и повиновался.

– В общем, было так. Вера увидела в чужом саду одеяло. Вернее, ей показалось, будто белье валяется. Соседка решила, что ветер сорвал с веревки свежую постирушку, и побежала к Жозе – предупредить о неприятности.

Старушка же попросила:

– Верочка, будь добра... у меня ноги болят, от перемены погоды артрит разошелся, лишний шаг не ступить... Сбегай во двор, принеси тряпку.

Вера ринулась в сад и там заорала от ужаса. На дороге, ведущей к гаражу, разбросав руки в стороны, лежала на спине Дана. Сначала соседке показалось, что она мертва, но потом несчастная вдруг приоткрыла один глаз и попыталась что-то сказать.

– Жива! – заголосила Верка и кинулась в дом – вызывать врача.

«Скорая помощь» прибыла на удивление быстро, и врач высказала примерный диагноз: черепно-мозговая травма, перелом позвоночника. Это из крупных повреждений, мелкие не в счет, поскольку в машине с красным крестом нет рентгена. Точнее об увечьях сообщат в клинике.

– Мною установлено, – рапортовал далее Глеб, – что Дана плохо себя чувствовала.

– У нее болела голова, – кивнула я.

– Мигрень! – поднял указательный палец участковый. – Верка говорит, что у Гарибальди была привычка вывешиваться из окна чуть ли не по пояс. Вроде Расторгуева один раз даже спросила у соседки: «Ты чего так вываливаешься?» А Дана объяснила: «Если голову схватывает, мне воздуха не хватает. Идти в сад сил нет, вот я и ползу к подоконнику».

Я вспомнила сегодняшнее утро, Данку, практически выпавшую наружу, и согласилась:

– Точно! Ей было очень плохо.

– Следовательно, события разыгрывались так... – Деревенский мент потер лопатообразные ладони. – Гарибальди решила хватануть кислорода и выпала из окна. Несчастный случай, ничего криминального. Надеюсь, Дана выздоровеет.

– Может, ее столкнули? – прошептала я.

– Кто? – изумился Глеб.

– Не знаю! Дану не любили местные жители.

– Тут полсела друг с другом на ножах, – засмеялся милиционер. – Как набухаются, начинают повод для драки искать, ну и припоминают старые обиды. В прошлый понедельник Антон Маслов Кирюхе Стогову нос сломал. Знаете, по какой причине?

Я помотала головой.

– Антону мать сказала, что его прадед изменял жене с родней Кирюхи, с Галкой Андреевой. Болтают, Андреева еще та прошмандовка была и пьяница в придачу, местный батюшка даже в церковь бабу не пускал. Да только покойники они все давно, правду не узнать. Ну Антон и решил за честь семьи постоять! Накинулся спьяну на Кирюху с воплем: «Твоя прабабка Андреева б...!»

– Достойное поведение, – мрачно отметила я.

– Уроды, – отмахнулся Глеб.

– Вот видите! – подскочила я. – А Дана тут многим насолила – денег в долг никому не давала. А еще...

– Что? – оживился участковый.

– Ничего, – ответила я.

Не стоит пока говорить про Настю и письмо шантажиста. Дана непременно поправится, вернется в Евстигнеевку, ей сплетни ни к чему. А то еще начнут шептаться: «Гарибальди денег пожалела, вот училка в петлю и полезла».

Позвякивая чашками, в гостиную с подносом в руке приковыляла Жозя.

– Какао кончилось, – объявила она, – пустая банка стоит.

Я вскочила, взяла у старушки ношу, поставила на сервировочный столик и спросила:

– Жозя, к вам никто не заходил?

– Когда? – деловито осведомилась старушка.

– Утром или днем.

– Нет, мы гостей не ждали, – отметила Жозя.

– Но, может, они все же прошли? Тайком? – настаивала я. – Ты возилась в вольерной, там шумно, могла не услышать, как человек прошмыгнул в дом.

Пожилая дама распахнула поблекшие глаза.

– Вилка, с какой стати людям сюда лезть? У Даны мигрень, а я занята!

– Вы не запираете входную дверь! Мне Дана вчера об этой вашей милой привычке рассказала, – не успокаивалась я.

– Забываем, – со вздохом подтвердила Жозя. – Но здесь ведь спокойно! А после того, как Данка обнародовала информацию про камеры, к нам без спроса никто не совался... Ой, господи! Люди добрые! Это кто? А-а-а!

С нестарческой прытью, очень споро Жозя бросилась к дивану и села за спинку.

– Медведь! – заорал Глеб. – Черт, я табельное в сейфе оставил!

– Успокойтесь, это Муся! – не сумев скрыть раздражения, воскликнула я. – Совсем про него забыла, оставила одного в машине, как он только наружу выбрался...

– Кто? – хором спросили Жозя и Глеб.

– Собака, – пояснила я. – Дана ее через Интернет заказала, попросила меня малыша из аэропорта доставить. Сама из-за мигрени не могла сесть за руль.

– Хорош щеночек... с полтонны кусочек... – пробормотал участковый и на всякий случай перекрестился.

– Вместо Линды собачка? – обрадовалась Жозя. – Очень симпатичная Муся. Вот только чем ее кормить?

– Ну... наварить ведро каши, – предложил Глеб и, вспомнив о служебном положении, повернулся ко мне: – Оставьте свой адрес и телефон.

– Зачем? – Я решила проявить бдительность.

– На всякий пожарный случай, – забубнил участковый, – вдруг чего... в ближайшие дни понадобится... хотя... думаю, нет. Дело ясное, несчастный случай, но... для порядка...

– На всякий пожарный случай я останусь здесь до возвращения Даны, – отрезала я. – За вещами только смотаюсь.

– Не надо, солнышко! – запротестовала Жозя. – Ну и ерунда тебе в голову взбрела...

– Одной тебе тяжело, – ответила я, – дом большой, за продуктами ездить надо.

– Я заплачу Зине, домработнице, она притащит, – хорохорилась Жозя, – не хочу тебя напрягать.

– Я давно собиралась пожить на даче.

– А работа? Отсюда далеко ездить, – сопротивлялась старушка.

– Мне не надо ходить в офис. Если решу начать новую книгу, займусь рукописью тут.

– Семья обозлится на тебя, – выдвинула новый аргумент Жозя.

– Я одинокая, с мужем развелась, детей нет.

Пожилая дама беспомощно заморгала.

– Тебе нельзя оставаться одной в огромном доме, – сказала я. – Мало ли что случиться может? Потом я перед Данкой не оправдаюсь. Или птичка какая заболит, как ее к ветеринару везти?

– Действительно, – кивнула Жозя.

– Теперь еще и Муся появился, – напомнила я. – Его надо кормить, выгуливать. Впрочем, если по каким-то причинам ты не хочешь меня видеть, только скажи, я мгновенно уеду. Но на свое место пришлю другого человека.

Жозя вздрогнула и кинулась ко мне с распростертыми объятиями.

– Вилка! Я очень люблю тебя! И ты абсолютно верно подметила: одной мне страшно. Просто я не хочу превратиться в обузу. У молодых своя жизнь, интересы, карьера, свидания, а здесь паси чужую бабку...

– Во-первых, ты мне не посторонняя, – возразила я. – А во-вторых... я не намерена бегать на встречи с мужчинами и просто мечтаю провести время в покое деревенской жизни.

– Ну так, значит, договорились, бабоньки! – подвел итог Глеб.

Глава 6

Ночью мне не спалось. Сначала почему-то, несмотря на пышущие жаром батареи, меня бил озноб, потом, наоборот, стало душно, воздух будто исчез из комнаты.

Я встала и распахнула окно. Нет, все-таки хорошо жить за городом. И ведь у меня имелась подобная возможность! Может, надо было закрыть глаза на некоторые обстоятельства, простить Олега, перешагнуть через обиду, ложь, забыть предательство и оставить все как есть? Что я выиграла, закусив удила? Одиночество? По телу пробежал сырой ветерок. Я захлопнула раму, потом осторожно приоткрыла дверь и, не надев тапочки, босиком пошла на кухню. Если сон покинул вас, бесполезно ворочаться под одеялом. Лучше выпить какао.

Стараясь не шуметь, я порылась в шкафчиках на кухне, но так и не обнаружила банку с порошком. Потом засунула нос в холодильник. Ну надо же! Молока тоже нет! Однако странно, что у Даны не оказалось в запасе пакета, она постоянно

пьет молоко. И тут мне вспомнились ее слова: «Оборудовала себе спальню в мансарде и там же некое подобие кухоньки устроила».

Я на цыпочках пошла к лестнице. Уж там-то, в личных покоях хозяйки, точно найдутся и пакеты с молоком, и банка с какао.

Подкрышное пространство оказалось неожиданно большим и уютным, Дана устроила норку по своему вкусу. На полу лежит толстый ковер, угол занимает роскошная белая кровать, рядом с королевским ложем возвышалась позолоченная тумбочка. На ней стояла пустая чашка, и я машинально понюхала ее. Кофе! Вернее, в емкости было то, что Данка называет арабикой. Подруга делает очень оригинальный «капучино» – наливает в чашку двадцать миллиграммов ароматного напитка, а затем добавляет до краев сливки. В результате о кофе напоминает лишь запах.

Бедная Дануша! Наверное, ей сейчас так плохо! Надеюсь, Гарибальди вкололи в больнице обезболивающее. Ну зачем она так вывесилась из окна?! Хотя мигрень коварная штука, могла на пару секунд лишить ее сознания, и короткого мгновения хватило, чтобы та свалилась вниз.

Я обежала взглядом комнату. Заметила на столе зарядку от мобильного Даны – ярко-красную, украшенную стразами. Сбоку на ней выбиты цифры. Наверное, серийный номер.

Внезапно я ощутила тревогу. Что-то было не так, какая-то деталь заставила меня насторожиться. Чашка из-под кофе! Я уставилась на пустую посуду.

Дана очень аккуратна. Альберт в свое время обожал рассказывать «бородатый» анекдот про развод некой пары.

Муж жалуется судье:

– Сил больше нет! Жена замучила, слишком уж аккуратная.

– Неряха намного хуже, – совершенно справедливо возразил представитель закона.

– Да, ваша честь, – согласился муж. – Но если я ночью встаю в туалет, то возвращаюсь к идеально убранной постели!

Выдав в очередной раз сию историю, Альберт начинал противно ржать, а потом не забывал добавить:

– Это как раз про Дану. Впрочем, моя жена переплонула бабу из анекдота – она требует раскладывать тапочки по размерам!

Самое интересное, что отменный лгун Алик сейчас не врал. Дабы навести порядок в небольшой прихожей, моя подруга оборудовала калошницу. Из-за отсутствия места полки в ней оказались разной ширины, и Дана просила домашних:

– Алик, ставь свои ботинки на первой полке, твоя обувь сорок пятого размера только там уместится, Андре предназначена вторая, ну а мне третья. Пожалуйста, не перепутайте!

Дана не вредничала, ей хотелось избежать горы штиблет в холле, но Алик постоянно издевался над ней и запихивал свои «лыжи» куда ни попадя. Данка вечно прибирала за ним, ставила его здоровущие ботинки на место, иначе шкафчик не закрывался. Мне до сих пор кажется, что Алик нарочно засовывал туфли не туда, ему нравилось дразнить жену.

У Даны всегда и везде царил идеальный порядок.

– Совсем нетрудно снять свитерок и аккуратно положить его на место, – поучала она, например, меня, разгильдяйку. – Потратишь всего пару минут, зато гардероб не стыдно открыть!

Я кивала, соглашаясь. Конечно, Дана совершенно права, но мне отчего-то лень думать о судьбе снятого с себя пуловера, вот я и запихиваю его комком на полку.

К чему вдруг мне все это вспомнилось? А вот к чему: Дана никогда бы не оставила грязную чашку на тумбочке! Она непременно отнесла бы ее вниз и поставила в мойку. Хотя... У нее ведь страшно болела голова, и вряд ли бы она

поползла вниз...

Я быстро открыла дверь в ванную. Так и есть! Помещение большое, метров пятнадцать, с окном. На широком подоконнике оборудована «кухня». Там стоит электрочайник, а чуть левее выстроились три кружки разных размеров, все повернуты ручками в одну сторону, в каждой виднеется ложечка. В углу крохотный холодильник, над ним шкафчик. Как я и ожидала, в холодильнике стояла пара пакетов жирного, шестипроцентного, молока. Другое Дана не пьет, «нулевое» она называет помоями. Гарибальди не особо заморачивается правильным питанием, спокойно лопают колбасу, сыр, чипсы, вот только сахар не любит. Вернее, никогда не кладет его в напитки, считает, что он портит вкус чая или кофе, а вот конфеты, кексы, торт Дана съест с превеликим удовольствием.

В шкафчике нашлись банки с кофе и какао, жестянка с чайной заваркой, вазочка с трюфелями и «Мишками», печенье курабье, мармелад и клубничное варенье.

Я в задумчивости вернулась в спальню и опустилась в большое кресло. Конечно, Дана очень любит Жозю, считает ее матерью, но даже от самого близкого человека порой хочется отдохнуть. Гарибальди много работает, устает, а старушка целые дни проводит с птичками да перед экраном телевизора. Хорошо, что у нее есть хобби, но пернатые не умеют разговаривать. Поэтому, когда невестка возвращается со службы, свекровь спешит к ней – поболтать.

Вот Дана и спряталась на третий этаж, оборудовала там гнездышко, окружила себя милыми сердцу мелочами, предусмотрела все, чтобы не спускаться лишний раз вниз. Небось, поужинав с Жозей, она ласково говорила: «Мамуля, спать хочу», – и убегала к себе, заваривала чай-кофе и пила его с конфетами, тихо радуясь тишине и одиночеству. В мансарде царит нужный ей для душевного комфорта порядок, чашки ждут хозяйку, как солдаты маршала на параде: чинно стоят, повернутые ручками в одну сторону. Так почему же сегодня Дана не помыла чашку? Она никак не могла оставить ее на тумбочке. Ну не в характере Гарибальди лечь и смотреть на грязную посуду! У нее от подобного зрелища мигрень еще сильнее разыграется.

Мой взгляд упал на красную лаковую балетку, валявшуюся у подоконника. Еще одна странная деталь!

Забыв обо всем, я схватила мобильный и набрала номер.

– Алло, – недовольно ответил мужской голос.

– Глеб?

– Угу.

– Это Виола Тараканова.

– Кто? – не понял участковый.

– Писательница Арина Виолова.

– А! Здравсти, – ответил милиционер.

– Я заметила нечто странное в спальне Даны.

– Чего?

– Чашку из-под кофе! Она не вымыта! И еще туфелька валяется!

Глеб со смаком зевнул:

– И что?

Я попыталась объяснить ему суть дела, через пять минут лейтенант не выдержал:

– На часы глянь – полвторого ночи! – буркнул он. – И потом, ты ерунду несешь. Подумаешь, не помыла посуду! У меня дома тарелки потолок подперли. А у нее ботинок с ноги упал, когда она из окна перевесилась. А это доказательство того, что из той комнаты она и грохнулась. Лучше ложись спать! Гарibaldi случайно вывалилась. Это несчастный случай. Гуд-бай!

Из трубки полетели частые гудки, я сунула мобильный в карман.

Но чем дольше я смотрела на грязную чашку, тем большее волнение испытывала. Во время мигрени Дану тошнит, она даже воду не пьет, не говоря уж о кофе. Значит, если она полакомилась арабикой, головная боль уже отступила. Но тогда у Даны не было необходимости высовываться из окна – удушье у нее бывало только во время приступа...

Я прикусила губу и еще раз внимательно осмотрела комнату. В спальне царит абсолютный порядок. Книги на полке подобраны по авторам, кровать застелена серым пушистым пледом, на подушках расправлены наволочки с кружевами, на краю сложена теплая пижамка, голубая, со смешным рисунком. Дана уверяет, что она помогает ей при болезни. Гарибальди обожает красивое белье, но в момент недуга надевает фланелевую рубашку с мишками, старую, застиранную. Когда-то мы вместе купили ее на вещевом рынке. Помнится, я приобрела розовый халат с кошками, а Данка... Минуточку!

Я вскочила из кресла. Как же я ошиблась! Дана, одетая в пижаму, должна была лежать в кровати. Именно так она переживает мигрень. Когда моя подруга ощутила приступ удушья, она доползла до окна, распахнула его, высунулась, на секунду потеряла сознание и упала вниз. Если ситуация складывалась подобным образом, то вопросов нет. Но пижама сложена, постель заправлена. Может, события развивались иначе? Дана начала задыхаться, но, будучи человеком патологически аккуратным, она предварительно заправила койку, переделась, сложила пижаму, расправила кружевную кайму у наволочек, добрела до окна, потеряла сознание и вывалилась в сад... Но почему, успев навести везде порядок, она не помыла чашку из-под кофе, а?

Я схватила телефон. Нечего Глебу спать! Преступление расследуют по горячим следам, через сутки теряется большая часть улик! Пусть участковый вылезает из своей уютной постельки и топает сюда!

– Аппарат вызываемого абонента выключен или находится вне зоны действия сети, – сообщил равнодушный женский голос.

Я чуть не швырнула сотовый о пол. Вот противный мужик! Специально отключил телефон! Конечно, намного проще объявить случившееся элементарным несчастным случаем, чем искать человека, задумавшего убийство. Но Дана жива, она придет в себя и расскажет, что случилось в мансарде.

Я подошла к окну и начала внимательно осматривать подоконник. Нет, царапин, сколов, отломов или каких-либо следов борьбы не видно... Кто и зачем мог пытаться убить Дану? Альберт? Муж хотел получить наследство, дачу? Просторный, хорошо отремонтированный дом с прилегающим к нему большим участком, да еще неподалеку от Москвы, стоит сейчас целое состояние. Но Алик давно перешел в разряд бывших мужей и, насколько я знаю, не имеет права претендовать на наследство от прежней супруги. Нет, Алик отпадает. Тогда кто?

Я взяла грязную чашку, спустилась в свою спальню, упаковала ее в чистый целлофановый пакет и легла в кровать, приготовившись к бессоннице. Но неожиданно веки сомкнулись, а из головы вылетели все мысли.

На следующее утро, около восьми, я вошла в кухню и спросила Жозю:

– Если я отъеду в город, не побоишься одна остаться?

– Нет, – удивленно ответила старушка. – Кого тут опасаться?

– Все-таки запри дверь на замок, – приказала я.

– Хорошо, – пообещала Жозя. – А ты куда, на работу?

– Нет, в больницу к Дане, – пояснила я.

В глазах пожилой дамы промелькнула растерянность.

– В клинику? – переспросила она. – Зачем?

Мне стало не по себе – Жозя забыла о вчерашнем несчастье. Очевидно, у нее начался старческий маразм. И как мне быть?

– Где Дана? – заволновалась Жозя, беспомощно оглядываясь.

– Э... э... – протянула я, – ну... э... э...

Внезапно она схватилась за голову.

– Господи, Дана же вчера разбилась! Ну как я могла забыть!

– От стресса иногда пропадает память, – сказала я, – не переживай.

– Надо немедленно ехать в медцентр! – засуетилась Жозя. – Так, что взять? Халат, тапочки, книги-газеты...

– Думаю, пока ничего этого ей не понадобится, – я попыталась урезонить Жозю, – врачи не разрешат ей читать.

– Тогда соберу покушать! – воскликнула она и рванула к холодильнику.

Чтобы не разочаровывать и не пугать пожилую даму, я взяла собранный ею пакет с харчами и спросила:

– Ты не будешь против, если я воспользуюсь машиной Даны?

– Глупый вопрос! – фыркнула Жозя. – Конечно, пользуйся.

– Вот тут номер моего мобильного, – сказала я и прилепила на стене у холодильника листок с цифрами. – Если что-то случится, немедленно звони.

– Да, да, – закивала Жозя.

– Дверь запри, – напомнила я.

– Непременно.

– Окна не открывай.

– Не буду.

– Я скоро вернусь.

– Хорошо, – сказала Жозя. – Не волнуйся, я привыкла. Дана обычно на целый день в магазин уезжает. Ой!

– Что? – Я сделала стойку.

– Надо же сообщить ее подчиненным о беде... – протянула Жозя. – Секундочку!

Не успела я моргнуть, как старушка вытащила из кармана мобильный и нажала на одну кнопку.

– Память у меня иногда барахлит, – пожаловалась она. – Впрочем, я и в молодости с цифрами не дружила. Матвей Витальевич, отец Алика, вечно надо мною подшучивал. А Дана купила мне аппарат. Сначала я рассердилась, это очень дорого, но потом оценила приобретение: теперь ничего записывать не надо. Если хочу связаться с Даной, нажимаю на кнопку два, и номер сам набирается. Поликлиника на третьей клавише... Ой, почему она выключила телефон? Дана не отвечает, там автомат бормочет.

– Она в больнице, – со вздохом напомнила я, – а ты хотела позвонить ей на работу, наверное, нажала не на ту кнопку.

– Я не идиотка! – обиделась Жозя. – Всегда сюда тычу, и девочка мне непременно отвечает. Где бы ни находилась, трубку она берет.

– Ясно, – вздохнула я. – А как называется магазин?

– Не знаю, это просто лавка с бусами и браслетами.

– И где же лавка находится?

– В хорошем месте, – уверенно заявила Жозя. – Даже Алик, когда узнал, где Даночка арендовала помещение, воскликнул: «Это круто!»

– Можешь улицу назвать?

– Тверская, – без былой уверенности ответила Жозя. – Там еще аэродром рядом, много людей.

– Спасибо, – заулыбалась я. – В вольерной не очень утруждайся.

Жозя кивнула. Я вышла во двор и двинулась к гаражу. На Тверской нет аэродромов, Жозю опять подвела память.

Глава 7

В больнице меня встретили не приветливо. Лечащий врач, толстая баба, назвавшаяся Вероникой Матвеевной, сухо обронила:

– Гарибальди находится в отделении интенсивной терапии, посещения запрещены.

– Неужели одним глазком нельзя посмотреть на Дану?

– Зачем? – сурово перебила меня Вероника Матвеевна.

– Ну... удостовериться... – растерялась я.

Реаниматолог нахмурилась:

– Даже не пытайтесь подкупить медсестру и пробраться в палату вечером. Был у нас дикий случай: к умирающему мужу жена с видеокамерой рвалась, хотела запечатлеть для детей уход отца из жизни.

– Я похожа на сумасшедшую?

– Все родственники со сдвинутой психикой, – не дрогнула она, – вот мы и приняли меры безопасности. Дверь в отделение интенсивной терапии открывается особым ключом, он есть лишь у врача, медсестры не выходят во время своей смены в общий коридор. На посту охрана, любой посторонний будет схвачен в два счета. Еду, одежду и все остальное мы не принимаем. Я ясно объяснила? Приезжать вам сюда не следует, «одним глазком посмотреть» не удастся, сведения о состоянии больной получите по телефону.

– А как ее самочувствие? Можно надеяться на скорое выздоровление? – не отставала я.

– Состояние тяжелое, но стабильное, что радует, – неожиданно почти с сочувствием ответила Вероника Матвеевна.

– Не вижу повода для радости, – не сдержалась я.

Доктор окинула меня презрительным взглядом, каким обычно профессионалы смотрят на дилетантов.

– В случае Гарибальди не наблюдается отрицательной динамики, ухудшения состояния не происходит.

– Значит, ей лучше! – обрадовалась я.

– Нет, но и не хуже, – терпеливо объяснила врачаха.

– Она поправится?

– Прогнозы делать рано.

– Но вы же опытный специалист, – я попыталась к ней подольститься, – много знаете, видели таких больных не раз.

– Каждый случай уникален, – с каменным лицом заявила реаниматолог, – давайте радоваться тому, что имеем, и не будем загадывать вперед.

– Ей что-нибудь нужно? – не успокаивалась я. – Лекарства?

– Слава богу, мы всем обеспечены.

– Скажите, в травмах Даны нет ничего особенного?

Доктор пожала плечами:

– Насколько я поняла, падение было горизонтальным. Оно менее тяжелое и напоминает транспортную травму. Очевидно, потерпевшая выпала с относительно небольшой высоты, примерно этаж второй, удар пришелся на спину.

– На спину? – переспросила я.

– Ну да, – кивнула Вероника Матвеевна. – А что?

– Дана рухнула, перевесившись через подоконник, значит, должна была упасть на голову!

Доктор сложила руки на груди.

– Я не эксперт, но знаю, что на голову человек приземляется в двадцати пяти процентах случаев. Что же касается вашего предположения, то в полете возможна перемена положения, переворот, кувырок.

– Из мансарды? Если учесть, что здание не сталинской эпохи, а дача, думаю, Данае сложно было сделать сальто, – заметила я.

– Милиция непременно разберется, – мягко остановила меня врач, – дилетанту не надо лезть в профессиональную епархию, это глупо. Основной причиной повреждений при падении с высоты является удар при соприкосновении с грунтом. Тем не менее различают фазы: первичные прямые повреждения, первичные не прямые и вторичные при падении тела уже после приземления. К первичным непрямым относятся оскольчатые переломы голени и нижней трети бедра, вколоченный перелом головки бедренной кости по краю вертлужной впадины таза, компрессионные переломы поясничных и нижнегрудных позвонков, кольцевидные переломы вокруг большого затылочного отверстия черепа от внедрения первого шейного позвонка...

– Спасибо, хватит, – прошептала я. – А где вещи Даны? В чем ее привезли?

Вероника Матвеевна ткнула пальцем в селектор на столе:

– Лена, подойди!

Тут же дверь кабинета распахнулась и появилась худенькая девочка, почти подросток.

– Пришла родственница Гарибальди. Где одежда больной? – поинтересовалась врач.

Лена моргнула и ответила:

– Так на складе! Мы инструкцию знаем, опись составили и сдали. Забрать хотите?

Я кивнула.

– Пошли. – Медсестра сделала приглашающий жест.

Мы вместе покинули кабинет доктора, и тут Лена, понизив голос, призналась:

– Извините, я сказала неправду.

– Вещей нет?

– В целости и сохранности лежат, – заверила меня она, – просто на склад их не отнесли. Они в кладовке.

– Какая разница, где их держат, – легкомысленно отмахнулась я.

– Вам это по фигу, – поджала губы девчонка, – а нам геморрой. Если человека по «Скорой» без сопровождающего лица привезли, надо опись составить в присутствии свидетелей, печать шлепнуть, пакет заклеить и на склад отнести. Не знаю, чего в других клиниках придумано, а у нас главный так требует. А то некоторые, слишком ушлые, выздоравливают и вместо «спасибо» заявки строчат, дескать, у них в карманах миллион лежал, а медсестры его стырили. Мы не воровки! Вот «Скорая» может поживиться, в особенности если понимает, что до приемного покоя человека живым не довезут. Мы же ничего не берем! Вчера в ночь Ирка Лапшина дежурила, одна, потому что Варька Коткина заболела и на смену не вышла. Так и чего ей, разорваться? Игнатову плохо стало, Табакину стошнило, да еще и вашу раздевать позвали. Склад у нас знаете где? Через всю

территорию бежать, километра два намотаешь. Ирка уйти не могла и мешок с одеждой в нашей кладовке оставила. Это нарушение, вы можете скандал устроить, и ей вломят. В общем, если хотите лаяться, никто вам не запрещает, правда на вашей стороне, но по совести – возьмите одежонку молча. Не последняя же она у больной! Да и разрезали небось тряпки, когда ее раздевали.

– Я не имею ни малейшего желания нападать на вашу Иру, – заверила я, – просто решила взять мобильный Даны и вещи.

– Вот, получите, тут все! – немного успокоившись, сказала Лена и распахнула дверцу кладовки.

– Давайте вместе посмотрим, – предложила я.

– Ладно, – с неохотой согласилась Лена. – Только лично я ничегошеньки не паковала и ответственности не несу.

Я кивнула и открыла бумажный пакет. Внутри оказались разрезанные по швам джинсы, розовый, красивый, но крайне грязный свитер, маленькие трусики и кружевной бюстгальтер.

– Белье дорогое, – с завистью отметила Лена, – больная на себе не экономит.

– А где мобильный? – спросила я.

– Я без понятия, – огрызнулась медсестра. – Говорила уже, не в мою смену вашу родственницу привезли, в Иркину, ей и отвечать!

– Значит, аппарата нет, – констатировала я. – Дана хорошо зарабатывает, модно одевается, имеет собственный бизнес, общается с клиентами, а люди очень внимательны, оценят и стоимость украшений и телефона. У Даны была недешевая трубка – красная, с отделкой из натуральной кожи, вся в стразах.

– Ваша родственница из окна сиганула, а вы о сотовом волнуетесь! – звенящим голосом воскликнула Лена.

– Молодец, – кивнула я, – лучшая защита – нападение. Я сейчас, по-твоему, должна устыдиться и молча уйти? Не надейся. Мобильный вещь нужная, в нем хранится масса номеров, книжка с контактами. Ну-ка, посмотри на ремень брюк. Что видишь?

– Хрень какая-то железная и кусок цепочки, – без прежней уверенности в голосе отметила Лена.

– Дана часто теряла телефоны, – объяснила я, – и несколько лет назад, посеяв очередной, она купила специальное на поясное крепление и держала мобильный только в нем. Выработала у себя привычку, перешедшую в рефлекс: поболтала с кем хотела – и всунула аппарат в держатель. Телефон всегда был на цепочке, даже если она выпускала его из рук, трубка не падала, висла на ремне. Дана не изменила привычке. Смотри: телефона нет, а цепь разорвана! Так где найти Иру?

– Она в общежитии живет, – сникла Лена, – тут рядом, за углом, комната десять. У нее соседка – Надя Рычагова из гинекологии.

– Показывай дорогу!

– Я здесь ни при чем, – заныла Лена, – не брала чужого. Ирка тоже не возьмет: она на голову долбанутая, с принципами. Типа, не ворует!

– К тебе у меня претензий нет, – заверила я. – Так где общага?

Ира не ожидала никаких неприятностей. Едва я забарабанила в тонкую створку, как изнутри донеслось:

– Входите.

Я пнула дверь, влетела в комнату и замерла. Что ожидаете увидеть вы в помещении, где обитают две незамужние девушки? Кровати, покрытые яркими пледами, постеры на стенах, полки с плюшевыми игрушками и горой косметики, плеер, телик, видеомагнитофон, DVD-диски с сериалом «Секс в большом городе» или записи романтических комедий, может, дешевый компьютер. Вот книги вряд

ли обнаружите, их заменят глянцевые журналы.

Но сейчас перед моим взором развернулась необычная картина. Правда, койки были, но смахивали они на спальные места курсантов военной академии – вместо цветных покрывал серые одеяла. Никакой аудио- или видеотехники не было и в помине, отсутствовало даже радио, зато на полке, тянувшейся почти по всему периметру стен, теснились книги, в углу я увидела иконостас с лампадой, а в небольшом кресле у окна сидела полная девушка в скромном коричневом платье. Ее волосы были заплетены в простую косу.

Увидав меня, хозяйка отложила толстый том, взяла с ручки кресла косынку, быстро прикрыла ею голову и вежливо спросила:

– Вы ко мне?

– Да, – растерянно ответила я. И тут же уточнила: – Я ищу Ирину Лапшину.

– Слушаю.

– Мне надо поговорить с вами.

– Садитесь, – вежливо предложила девушка. – Но предупреждаю сразу: если хотите нанять ежедневную сиделку, я вынуждена отказаться. Могу ходить за больным только два дня через три, в свободное от основной работы время.

– Вы вчера дежурили в клинике?

– Да, – безо всякого волнения ответила Ирина.

– Тяжелые сутки выдались?

– Как обычно.

– Помните Дану Гарибальди?

Ирина слегка нахмурилась:

- Женщину, которая из окна выпала? Да.
- Мне сказали, что ваша коллега вчера не вышла на службу.
- Она заболела, - кротно подтвердила Ира.
- Я родственница Даны, пришла за ее вещами.

Медсестра опустила глаза.

- Виновата, не отнесла их на склад, оставила в кладовке, хоть это и не положено. Просто у меня не было времени. Вам отдадут одежду, не волнуйтесь.
- Я уже ее получила.

Ирина с недоумением посмотрела мне в лицо:

- Зачем тогда вы пришли?
- Вам не трудно ответить на несколько вопросов?
- Пожалуйста, спрашивайте.
- Дана разговаривала?
- Конечно нет! При подобной травме речь отсутствует либо пострадавший бредит.
- Что она говорила?
- Ничего связного, отдельные слова.
- Какие?

Ирина сцепила пальцы в замок.

– Сначала стонала, я попыталась снять с нее брюки, но не получилось, поэтому спросила: «Можно, я штанину разрежу?» Глупый вопрос, пострадавшая не могла адекватно ответить, но я всегда с больными беседую, как с нормальными, думаю, им от этого легче.

– Может, вы и правы, – тихо сказала я. – Значит, Дана только стонала?

– Нет, еще я услышала слово «забор». И вроде «птица», – уточнила Ира.

– Ясно, – вздохнула я, – это она старушку Жозю вспомнила, та разводит пернатых. Все?

– Да.

– Больше ничего?

– Увы, нет.

– Ни имен, ни фамилий?

– Нет, нет.

– Вы не могли не услышать?

Ирина скрестила руки на груди.

– Я раздела больную, и ее тут же увезли в операционную.

– Может, Дана говорила там?

Ира улыбнулась:

– Она была интубирована, а с трубкой в горле не поговоришь.

– Ира, а где мобильный пострадавшей? – резко спросила я.

– Телефон?

– Да.

– Не было его.

– Он должен был на поясе висеть, – прищурилась я.

– Нет, – помотала головой медсестра, – никаких аппаратов при ней не было. Помню балетку на одной ноге – красную, кожаную... Женя, врач со «Скорой», еще обронила, что парашютиста привезли.

– Кого? – не поняла я.

Ира опустила голову.

– Простите, у меня это случайно вырвалось. Медики со «Скорой» народ циничный, у них свой жаргон, подчас очень грубый. Тех, кто из окон выпадает, они «парашютистами» зовут.

– Туфля была одна? – уточнила я.

Ира увела глаза в сторону.

– Обувь обычно при падении слетает, врачи ее не ищут, это забота милиционеров. Пострадавшего грузят в машину как есть. У вашей родственницы на правой ноге была туфелька, очень красивая, лаковая, красная. Похоже, дорогая. А вторая, скорей всего, осталась на месте происшествия. Видно, удар сильный был.

– Почему вы так решили? – спросила я.

Ира поправила платок.

– У туфли по верхнему краю резинка продернута, чтобы она при ходьбе не сваливалась. Нехитрое, но надежное крепление. Если туфелька слетела, значит,

ваша родственница испытала сильный удар. Но переживать об обуви не стоит, следует молиться за здоровье. Господь добр, он явит милость.

– Значит, телефона вы не видели? – уточнила я.

– Нет, – без колебаний ответила Ирина.

Я еще раз оглядела комнату: иконы, книги, хозяйка с платком на голове, из-под которого выглядывает длинная коса. И поинтересовалась:

– Как вы думаете, мобильник могли взять сотрудники «Скорой»?

Ира встала.

– Нет. Я хорошо знаю Женю, фельдшерицу, которая больную доставила. Мы не дружим, но сталкиваемся по службе, наша клиника «скоромощная», к нам людей со всей области везут, Женя у нас частый гость. Она гневлива, может вспылить, резкое слово сказать. Курит много и ругается как мужик, но она честная, нитки себе не присвоит. И Леша, санитар, ей под стать. Не скажу, что все экипажи такие, люди разные встречаются, но третья бригада точно чужого не возьмет. А зачем вам телефон? Дорогой очень?

– Там список всех знакомых Даны, – обтекаемо ответила я.

Ира в задумчивости прикусила губу, потом встрепенулась:

– Знаете место, где ее нашли?

– Она выпала из мансарды собственного дома.

– Обыщите там все в округе, – посоветовала девушка. – Небось сотовый оторвался от цепочки и улетел в кусты. Везде посмотрите, даже там, где и в голову искать не придет. Попомните мое слово, найдется мобильный.

Следующий визит я нанесла Наде Чемко, своей знакомой, которая работает в криминалистической лаборатории.

– Надеюсь, ты понимаешь, что я не имею права в служебное время заниматься частными делами? – пробурчала Надька, когда я выложила перед ней пакет с чашкой из-под кофе.

– Можно сделать анализ после работы, – предложила я.

– О боже! – закатила глаза Надя. – За что мне это?

– За книжки, – напомнила я. – Кто тебе перетаскал в свое время весь ассортимент издательства «Марко»? Между прочим, абсолютно даром! А диски с фильмами? Ты же обожаешь отечественные ленты. И сколько я тебе приносила их со студии, которая снимала сериал по моим романам?

– Верно, – неохотно призналась Чемко. – Говори, что надо?

– Анализ содержимого чашки!

– Ну... попробую.

– И еще отпечатки. Если они есть, конечно.

– Ладно, – помрачнела Надя. Но тут же ее лицо расцвело улыбкой: – Хочу подшивку журнала «Вапа»[5 - Такого журнала не существует. Здесь и далее названия придуманы автором, совпадения случайны.] за прошлый год!

– Есть такое издание? – удивилась я.

– Да, – кивнула Надя, – постарайся. Кстати, твой Олег бабу себе завел, ужасную калошу, из отдела баллистики. Ты намного красивее!

– Куприн уже не мой, – спокойно отреагировала я, – надеюсь, он счастлив. Кстати, об отпечатках... Ты проверишь их по базе? Вдруг найдутся совпадения?

Надюха почесала нос.

– Потерявши голову, по волосам не плачут, – вздохнула она. – Чего еще пожелаешь?

– Пока все, – ответила я, – ты уж постарайся побыстрее.

– Ладно, – без всякого энтузиазма ответила Чемко и положила пакет в ящик.

Я вышла на улицу, села в машину Данки и набрала номер справочной.

– Наталья, слушаю, – откликнулся девичий голос.

– Мне нужен телефон магазина, в котором продают бусы, браслеты и все такое прочее.

– Уточните название.

– Я его не знаю.

– Примерный адрес.

– Рядом с торговой точкой находится аэропорт, – ответила я и тут же ощутила себя полной идиоткой.

Но сотрудница справочной, очевидно, привыкла к умственно отсталым клиентам. Она, ничуть не раздражаясь, уточнила:

– Бутик расположен в здании аэровокзала?

– Понятия не имею.

– Простите, но я никак не могу выполнить ваш заказ. В Москве слишком много точек, торгующих аксессуарами.

– Спасибо, – буркнула я, но присутствия духа не потеряла и отчаиваться не собиралась.

Помнится, Жозя сказала, что Алик, когда услышал, где Дана основала магазин, воскликнул: «Круто!» Следовательно, Альберт знает его адрес. Вот только звонить противному мужику мне неохота, да и номера его мобильного у меня нет. Мы с ним никогда не симпатизировали друг другу, я предпочитала общаться только с Даной. Интересно, в Москве есть контора, где регистрируют магазины? Если поехать туда, назвать фамилию Гарибальди...

Внезапно я обозлилась на себя. Хватит мучиться ерундой! Альберт, конечно, неприятный тип, но самое ужасное – это то, что он тоже писатель. Вернее, Алик представитель так называемой серьезной литературы – он издал за свой счет роман о смысле жизни: сто страниц текста, повествующих, как умирающий мужчина, мучаясь не только морально, но и физически, вспоминает перипетии своей судьбы и приходит к выводу, что никакого смысла земное существование не имеет, лучше вообще не рождаться на этот свет. Желая опубликовать свою «нетленку», Алик приволок опус мне и категорично приказал:

– Вели там, в издательстве, чтобы напечатали. Кстати, мне важнее донести до людей смысл, чем огрести гонорар, поэтому я согласен даже на такой мизер, как полмиллиона долларов. Причем пусть заплатят аккордно, сразу.

Я попыталась втолковать Альберту, что такие деньги не получает в России никто, а на Западе, на стадии сдачи рукописи, может, только Стивен Кинг или Джоан Роулинг, но Алик презрительно фыркнул:

– Моя книга гениальна. Она потрясет мир!

В конце концов я отнесла дискету Олеся Константиновне и умыла руки. Спустя полгода произведение появилось на свет – Алик издал его за свой счет количеством в сто экземпляров. Ни о каком гонораре, как вы понимаете, речи не было. Альберт раздал роман знакомым (госпоже Таракановой он «нетленку» не подарил). А через некоторое время до меня долетел слух: мол, Алик Колосков создал гениальное произведение, по наивности попросил подружку жены, бумагомараку Арину Виолову, послужить курьером, отвезти рукопись в издательство. Детективщица из любопытства прочитала роман, испугалась конкуренции и сделала все возможное, чтобы произведение не было

опубликовано. Но правда восторжествовала, нынче шедевр Колоскова номинирован на Нобелевскую премию по литературе.

И как вам подобное? Понимаете теперь, по какой причине у меня желудок свело судорогой при одной мысли о том, что нужно позвонить Колоскову? Но делать нечего, придется переступить через себя. Алик с новой женой живут в старой квартире, той самой, которая досталась ему после развода, и телефон его у меня, естественно, имеется.

Тяжело вздохнув, я набрала номер и в ту же секунду услышала бархатное:

– Аллоу! У аппарата писатель Волконский.

Мне стало смешно. Фамилия Колосков кажется Альберту затрапезной, поэтому он взял себе псевдоним. Не удивлюсь, если наш классик выдает себя за потомка древнего рода!

– Алик? Здравствуй, – собравшись с духом, сказала я.

– Добрый день, милейшая барышня, – прогудел Альберт. – Чем могу служить? Вы представитель СМИ? Всегда рад дать интервью, но мое время расписано на двенадцать месяцев вперед. Впрочем... э... как раз сегодня, в шесть вечера, случайно образовалось окно, и я готов...

– Алик, не корчи из себя Майкла Джексона, у которого график расписан на три года вперед, – не выдержала я. – Боюсь, тебе не поверят.

– Этта кто? – изменил тон Колосков.

– Виола Тараканова.

– Какого хрена тебе надо? – потерял напускную вежливость Альберт. – За фигом трезвонишь?

– Скажи мне адрес магазина Даны, – рявкнула я, – и можешь садиться за продолжение великого романа.

– Ну и наглость! – заорал Алик. – Откуда мне знать, где работает эта сука, обобравшая меня? Захапала себе особняк, участок, выселила меня на помойку, в грязную нору...

– Насколько я помню, при ней апартаменты сверкали чистотой, что тебе не нравилось, ты вечно жаловался на «стерильный уют», – ехидно перебила я его. – Хватит идиотничать! Всего-то труда – сообщить название улицы и номер дома!

В трубке повисла тишина, затем послышался тихий щелчок, и я поняла, что некто, скорее всего новая жена Алика, решил подслушать наш разговор.

– погоди, – уже вполне вменяемым голосом заговорил Колосков, – а почему ты обращаешься ко мне?

– Больше не к кому, – пояснила я. – У Жози склероз. Извини, что напоминаю тебе о матери, но, похоже, у нее начинается болезнь Альцгеймера. А Дана, увы, ничего сказать не может.

– Бабка притворяется! – рявкнул Алик. – Сколько себя помню, столько мамашка кривлялась. Постой-ка! Должен ли я понять тебя так, что Дана умерла?

– Слава богу, нет, она всего лишь попала в больницу, – обозлилась я. – И непременно выздоровеет!

– Что с ней? – довольным тоном уточнил Альберт. – Инсульт? Ее парализовало?

– Нет, она из окна выпала! – гаркнула я.

– Вау! Шею сломала! – возликовал бывший муж. – Жозя осталась одна?

– Я живу с ней.

– За фигом ты ей нужна, проваливай! Она моя мать, – занервничал Алик, – участок, дом и все, что в доме, принадлежит Колосковым. Рассчитываешь на наследство? Ни хренашечки тебе не обломится!

– Жозя отказалась иметь с тобой дело, а за бывшей женой ты не можешь наследовать. По завещанию, я думаю, имущество отойдет Андре. Это твой сын, если ты забыл. С моей стороны было полнейшим идиотизмом звонить тебе! – выпалила я и бросила телефон на пассажирское сиденье.

Вилка, ты дура, принялась я ругать себя. Нашла с кем разговаривать! Надо успокоиться и ехать в Евстигнеевку. Скорей всего, сотрудники бутика, удивленные отсутствием хозяйки, сами начнут звонить ей домой.

Телефон издал несколько коротких гудков, я взяла аппарат и прочитала сообщение: «Ленинградский проспект, дом напротив городского аэровокзала». Ну надо же! У Колоскова неожиданно проснулась совесть, и он прислал эсэмэску. Однако Жозя не совсем потеряла память: магазин и впрямь находится у аэродрома, хоть и бывшего, а Ленинградка является продолжением Тверской. Мне следовало вспомнить и о станции метро под названием «Аэропорт», и о приземистом стеклянном здании, расположенном напротив.

Я завела мотор и бодро покатила в сторону Третьего транспортного кольца. Снова ожил телефон.

– Привет! – закричала женщина.

– Чемко, это ты? – удивилась я.

– Ну да! Хочешь отчет по чашке?

– Конечно! Уже сделала?

– Нет, – хихикнула Надя, – звоню просто так. Поглупей чего спроси!

– Извини, пожалуйста, – покорно откликнулась я. – Так что там с посудой?

– Хорошая вещь, качественный фарфор, дорогая фирма, – похвалила Надя. – В чашку был налит кофе, с сахаром и молоком. Думается, третьего ингредиента имелось больше, чем первого. Фигурант, скорее всего, сначала побаловался арабикой, а затем влил в немытую чашку молоко.

Я вздохнула. Все правильно, любимый рецепт Даны: чайная ложка кофе на ведро сливок.

– А ишо тама наполнитель есть, – начала дурачиться Чемко, – толстый-толстый слой шоколада.

– Шоколада? – растерялась я.

– Шутка, – хмыкнула Надя, – наверное, неудачная. В остатках исследуемой жидкости обнаружены следы рецитол.[6 - Название препарата придумано автором]

– Это что за зверь? – изумилась я. – Впервые слышу такое название.

– И слава богу, – не меняя серьезного тона, заявила Надежда. – Препарат прописывают больным болезнью Паркинсона. Он улучшает координацию движений, у некоторых вообще купирует дрожание конечностей.

– Замечательное лекарство, – протянула я. – Но зачем его принимать Дана? Она ничем не болела.

– Рецитол растворили в кофе, – объяснила Надя. – Лекарство имеет характерный горький вкус, поэтому в чашку положили побольше сахара. Впрочем, если человек ощутит горечь, то не насторожится, подумает, что это от кофе.

– В чашке был сахар? – с запозданием поразились я.

– Ну да. А что удивительного? Многие подслащивают кофе.

Я озадачилась. Дана не любит сладкие напитки!

– А что случится со здоровым человеком, если он примет рецитол? – спросила я через секунду.

– Ничего хорошего, – пояснила Надя. – Гарантированно возникает сильная головная боль. Рецитол – мощное сосудистое средство, оно резко меняет давление, может привести к потере сознания или его спутыванию, к крайней

послушности человека, покорности. Все зависит от дозы. У некоторых людей возможен даже паралич, который через определенное время пройдет, но того, кто принял лекарство, напугает до паники. Было у нас дело, там, правда, использовалась другая фармакопоя, но аналогичного действия. Жена мужу в грейпфрутовый сок его сыпала, супруг без движения падал, а врач микроинсулт диагностировал. Баба так мужика запугала, что тот все имущество на нее перевел: квартиру, дачу, машину, счет в банке. Решил, что ему помирать скоро, зачем женушке лишние хлопоты с наследованием. А она захапала нажитое и развелась с идиотом. Круто?

– И такое сильнодействующее лекарство можно свободно купить? – ахнула я. – Ну и порядки!

– Его отпускают лишь по рецепту, – «успокоила» меня Надя, – но, сама понимаешь, возможны варианты. Теперь об отпечатках.

– Они есть?

– Да.

– Вот здорово! Можно определить, кому они принадлежат?

– Легко.

– И в базе есть данные?

– Ага.

– Скажи, пожалуйста, чьи?

– Виолы Ленинидовны Таракановой, – отрапортовала Чемко. – Ты попадала в поле зрения милиции, у тебя брали отпечатки и внесли в комп. Помнишь?

– Да, – проямлила я, – было дело. Значит... значит...

– Я выполнила твою просьбу, – перебила меня Надя, – долг платежом красен.

– Помню про журнал.

– Забудь! – приказала Надя. – Лучше помоги моему Сережке книжку издать. Он написал рассказы, хорошие. Кому из наших ни читал, всем нравятся!

– Это непросто, – призналась я.

– Мне тоже было нелегко тратить свой законный обеденный перерыв на анализ, – напомнила Надя. – К тому же, если начальство об этом узнает, три шкуры с меня спустит! Однако я постаралась. Теперь твой черед.

– Я тоже приложу все усилия, чтобы тебе помочь.

– Надеюсь, – отчеканила Надежда. – Иначе больше на меня не рассчитывай!

Езда по Москве теперь напоминает цирковое представление. Нужно проделывать прямо-таки акробатические трюки, если желаешь передвигаться в потоке машин, порой приходится нарушать правила, выскакивать на тротуар и даже изображать слалом между злыми пешеходами. Впрочем, людей можно понять, никому не понравится шараться испуганным зайцем от автомобилей. Но что делать, если надо повернуть направо и у светофора горит разрешающая стрелка, а впереди стоит, загораживая проезд, джип, за рулем которого сидит тупица, решивший ехать прямо и только прямо? Ну зачем тогда становился в крайний ряд?

Произнося сквозь зубы отнюдь не парламентские выражения, я заехала на пешеходную зону и, втянув голову в плечи, поплелась за толпой прохожих. Всего-то осталось миновать несколько метров...

– Др-р-р-р, – полетел свист.

Я послушно затормозила. Вот оно, счастье госпожи Таракановой! Если бы сейчас я стояла в очереди за внедорожником, перегородившим дорогу, то никакого гаишника в радиусе километра не нашлось бы. Но стоило мне заскочить на тротуар, как владелец полосатого жезла уже тут как тут, идет по асфальту с радостным блеском в глазах.

– Сержант Самойлов, – представился патрульный, – нарушаем правила?

– Джип мешает повороту, почему вы его не штрафуете? Он не в том ряду стоит! – попыталась отбиться я.

– Ваши права! – не пошел на контакт гаишник.

– У меня спецталон, – грустно вздохнула я, протягивая кожаную визитницу.

– Где? – оживился гаишник и перелистнул прозрачные «кармашки», куда были вставлены документы.

– В страховке лежит, – пояснила я.

Сотрудник ДПС вытащил спрятанную мною сторублевку, ловко сунул ее в свой карман и нахмурился.

– Это теперь не спецталон! Штрафы увеличены.

Делать нечего, пришлось вынимать кошелек.

– Сколько?

– Тысяча!

– Обалдел? – рассердилась я. – Двести.

– Пятьсот, – сбавил сержант. – И ни копейкой меньше! Иначе права отберу, замучаешься их назад получать.

– Держи, тут четыре сотни, – мрачно сказала я. И не удержалась от упрека: – Хотела себе крем для лица купить, да, видно, не судьба, ты повстречался.

– Еще сотняшка! – нахмурился собеседник.

– Договаривались на полтысячи!

– Ты дала четыре бумажки.

– И спецталон, – напомнила я.

– Он не в счет.

– Значит, шестьсот? Ну ты и нахал!

– А это уже оскорбление при выполнении служебных обязанностей, – обрадовался гаишник, – на статью тянет.

Я живо вытащила купюру:

– Держи.

– Проезжайте и будьте внимательны, – напутствовал меня ставший вдруг вежливым сержант. Потом махнул жезлом и заорал на ни в чем не повинных пешеходов: – Эй, граждане, разойдитесь! Дайте дорогу оперативной машине, она торопится по служебной необходимости...

Я невольно усмехнулась. Парень в некотором роде честен: получил деньги и теперь отрабатывает их – освобождает мне путь. А ведь, по идее, он должен выписать штраф и вернуть нарушительницу в поток машин. По тротуару-то нельзя ездить, именно за это он и содрал с меня деньги. Только получается, что запрет срабатывает лишь до оплаты. Выходит, плати – и едь где хочешь и как хочешь.

Глава 9

Бутик Даны оказался маленьким магазинчиком с двумя прилавками и множеством стендов на стенах, но на крошечном пятачке толпилось штук пять покупательниц, и обе продавщицы были заняты.

Пока девушки бойко обслуживали тех, кто пришел раньше, я стала рассматривать товар. Бусы, браслеты и серьги... Если честно, ничего необычного, разве что украшения с птичьими перышками выглядят оригинально.

– Вам понравилась коллекция «Какаду»? – воскликнула подбежавшая ко мне девушка с бейджиком «Валентина» на блузке. – Это эксклюзивные изделия, двух похожих нет. Госпожа Гарибальди лично ездит в долину Амазонки и там собирает перья для аксессуаров.

Мне стало смешно, я ведь великолепно знаю, где течет сия «река» – это вольер Жози.

– Если желаете заказать нечто специальное, тогда присядьте, – ворковала Валентина, – госпожа Гарибальди лично побеседует с вами. Извините, хозяйка сегодня задерживается, на шоссе пробки и...

– Она не приедет, – тихо сказала я.

Валя осеклась, потом по-детски спросила:

– Кто?

– Дана. Я ее подруга, Виола. С вашей владелицей случилось несчастье.

Глаза Вали начали расширяться, она вздрогнула, схватила меня за плечи и втолкнула в небольшой кабинет, заставленный коробками.

– Что случилось? – прошептала она.

– Вы только не кричите, – предупредила я, – клиентов распугаете. Дана выпала из окна.

Валя отшатнулась к стене и медленно осела на пол. Я схватила с письменного стола бутылку с минеральной водой и начала брызгать ей в лицо.

– Вы кто? – пришла в себя девушка.

– Эй, ты чего тут делаешь? – всунулась в комнату вторая продавщица. – Ой! Валя, что с тобой?

– Иди в зал, – приказала ей я, – и работай спокойно!

– Вы из милиции, да? – простонала Валентина.

– Нет. Уже говорила, я подруга Даны, приехала рассказать о происшествии. Меня зовут Виола, можно просто Вилка.

Валентина вытерла лицо ладонью.

– Писательница, да?

– Верно. Откуда ты знаешь?

– Дана часто вас вспоминает, рассказывает, как вы ее сыну сначала немецкий преподавали, а потом с ней подружились.

– Все верно, – кивнула я. – Скажи, у Гарибальди на работе были враги?

– Нет, – испуганно ответила Валя. – Нас тут сейчас трое. Я, Лера и сама Дана. Есть еще мастерицы, которые товар делают, но они сюда никогда не приходят, Дана с ними лично встречается, затем коробки привозит. Вот эти, там ширпотреб. Если же эксклюзив заказали, то его Сюзанна делает. Она художница, но я ее тоже не знаю, только имя слышала. Она очень красивые вещи собирает, но они и стоят дорого, хотя, конечно, не как бриллианты.

– Никто сюда скандалить в последние дни не приходил?

– Нет. А зачем?

– Может, заказ плохо выполнили.

– Бывает такое, но редко, – пояснила Валя, – тогда вещь просто переделывают. Наши постоянные клиенты – интеллигентные женщины, в основном те, кто не

может себе позволить настоящие камни. Украшений-то хочется, но не покупать же дешевый пластик. И обидно: все гости в золоте, а ты как нищенка, в ожерелье с рынка. Поэтому они и бегут к нам, здесь художественные изделия. Можно спокойно заявить подружкам: «Платина с изумрудами – это пошло, я предпочитаю другие материалы и лично для меня созданные украшения». Кстати, теперь даже очень известные ювелирные фирмы перья используют, это модно.

– Значит, обиженных клиентов нет?

– Не-а.

– А служащих? Может, Дана выгнала кого-то?

– Мы с Лерой здесь со дня открытия. Никогда не ругаемся, оплата хорошая. Чего еще надо?

– Налоговая инспекция, пожарные, кто там еще на бизнес наехать может...

Валя поднялась.

– А какой смысл нас гнобить? Дана дела правильно ведет, налоги платит, все разрешения имеются. В кабинетах начальников бабье сидит, им тоже охота иметь сережки с бусами. Понимаете? Да и бизнес у Гарибальди не нефтяной, суперприбылей нет. Почему вы такие вопросы задаете?

– Просто хочу убедиться, что у нее на работе нет людей, которых обрадует случившееся с ней несчастье.

– Конечно нет! – возмутилась Валентина. – Ее все любят! Ой, а чего нам теперь делать?

– Торгуйте спокойно, пока Дана не поправится.

– Она выздоровеет?

– Непременно, – оптимистично заявила я.

– Боже! – всполошилась Валя. – Яндарова! Дана должна была ей сегодня отправить коробку. С мастерицами только Гарибальди общалась! Где ту Сюзанну искать? И адреса Яндаровой у меня нет. Она по почте от Даны заказы получала. Наша лучшая клиентка, больше всех берет, каждый месяц нам кассу делает!

– Давайте поступим так.

После небольшой паузы я предложила: я временно поселюсь у Даны дома, не хочу оставлять Жозю одну. Вечером поищу в комнате у подруги коробку с украшениями – наверное, она где-то там стоит – и звякну продавцам.

– Записывайте номер, – деловито сказала Валя, – и магазина, и мой... Только непременно найдите заказ! Яндарова – наше спасение. Не дай бог мы ее потеряем, магазин тогда накроется. Ведь, если честно, мы не так уж много в розницу продаем. Дана с ума сойдет, если мы такую клиентку упустим.

– Хорошо, – пообещала я. – А вы попробуйте вспомнить, вдруг у Даны с кем-то хоть небольшой конфликт был!

Валентина кивнула, я вышла в торговый зальчик и опять увидела в нем нескольких женщин. Очевидно, бусы и браслеты все же пользовались спросом. А может, успех предприятия зависел от места его расположения. Магазин ведь находится возле аэровокзала, здесь много приезжих, которые хотят привезти близким сувенир из столицы, и вот вам лавка с красивыми и недорогими украшениями. С другой стороны, арендная плата тут небось заоблачная – что выручишь, то и отдашь за помещение.

Кто же мог желать смерти Дане? Она милая женщина и на первый взгляд не должна иметь врагов. Алик? Но бывший муж давно женился на другой и вполне доволен судьбой, если, конечно, такой субъект вообще способен жить в мире с собой и окружающими. Жозя? Это даже не смешно. Старушка считает невестку любимой дочерью и живет с ней вместе, подарила Дане участок и дом в Евстигнеевке. Бизнес у Гарибальди, как правильно отметила Валентина, не нефтяной, покупательницы самые обычные тетki средней обеспеченности. Но кто-то же насыпал в чашку Даны опасный препарат? Преступник не сомневался в его действии – вполне вероятно, в его семье имеется человек с болезнью Паркинсона, так что он понимал, как организм Даны отреагирует на лекарство.

И похоже, мерзавец знаком с Гарибальди, слышан о ее мигренях, о ее привычке дышать свежим воздухом во время приступов...

Внезапно мне захотелось есть. Я оглянулась, увидела небольшое кафе, зашла внутрь, заказала капучино и задумалась, уставившись на фарфоровый бокал, который притащила официантка.

Дана давно мучается головными болями и все надеется найти некую панацею, которая избавит ее от этой напасти. Может, кто-то из знакомых обмолвился о рецитале – сказал в разговоре, что таблетки благотворно действуют на мозг, а Дана решила попробовать это лекарство? Ага, купила и... растворила его в кофе. И положила сахар, чтобы не ощущать горечь. Это маловероятно, легче просто проглотить пилюлю, но в принципе возможно. Но почему в комнате Даны не разобрана постель, почему Гарибальди не переоделась в пижаму, а на ногах у нее были не тапки, а красные лаковые туфли?

Я откинулась на спинку стула. Есть лишь один правильный ответ на эти вопросы. Итак, Дана, заболев, попросила меня забрать из аэропорта щенка, а после того, как я уехала, мигрень у нее прошла, и подруга захотела побеседовать с каким-то человеком. Но отправиться сама на свидание Дана не смогла, ведь я уехала на ее машине. Следовательно, тот человек прибыл в Евстигнеевку. Вот почему Дана облачилась в джинсы и розовый свитер в купе с лакированными красными балетками. Дома она обычно носит тапочки! Значит, гость был не из близких людей – просто знакомый, кого Дана не хотела встречать этойкой росомхой. Вероятно, это мужчина. И Дана решила скрыть его визит от Жози.

Я схватила бокал и отхлебнула кофе, капучино оказался мерзким на вкус, но мне было все равно... Попытаемся реконструировать события... Я уехала, Жозя топчется в вольере, дверь в птичник плотно закрыта, старушка бдительна, все, что касается пернатых, соблюдается ею тщательно, а попугайчикам и иже с ними вреден сквозняк. У Даны проходит мигрень. Я хорошо знаю, что болячка как внезапно набрасывается на человека, так же мгновенно его и покидает. Подруга звонит некоему N и говорит:

– Надо срочно встретиться. Но я без машины и не хочу, чтобы свекровь знала о твоём визите.

– Сам приеду, – обещает N, – только впусти меня тайно.

Дана надевает мягкие лаковые туфли и тихонько открывает дверь, мужчина проскальзывает в дом.

Жозя ничего не слышит, в вольерной оглушительно щебечут птицы, а Дана действует беззвучно.

Что же было потом? Таинственный незнакомец поднялся в мансарду. Ясное дело, Гарибальди не могла его угостить в столовой, предложила кофе в мансарде. N улучил момент, подсыпал Дане рецитол, затем вымыл свою чашку, вернул ее на место и тихо покинул особняк. Жозя, занятая птицами, ничего не услышала, а я была в аэропорту.

Почему убийца не убрал кружку Даны? Наверное, забыл. Или хотел, чтобы ее нашли, сделали анализ и поняли – она объелась рецитолом, пытаясь купировать мигрень.

Вроде все складывается, но преступник совершил ошибку: памятуя об отпечатках пальцев, он протер чашку, на ней не нашлось ничьих следов, кроме моих – я же схватила ее. Но на чашке непременно должны были присутствовать пальчики Даны! А их нет. Следовательно, посудину вытерли после того, как Данка ее опустошила.

Дело за малым: найти N.

Я вскочила и побежала к выходу. Это мужчина! Может, даже ее любовник! Вполне вероятно, что Жозя о нем и не слышала – Данка, не желая нервировать старушку, скрывала свои амурные дела.

Во что бы то ни стало мне нужно отыскать мобильный Даны, в нем есть телефонная книжка. Ну не дура ли я! Каким образом Данка узнала, когда следует открыть дверь гостю? Он ей позвонил! В аппарате остался его номер! В сотовом у Гарибальди, естественно, имеется определитель – когда я звоню ей, подруга берет трубку и сразу кричит: «Привет, Тараканова!»...

И тут ожил мой телефон.

– Жозя, ты? – заволновалась я. – Что случилось?

– Все замечательно, – отрапортовала старушка. – Извини, может, я зря тебя побеспокоила, но твоя лошадь нервничает.

– Моя... кто? – не поняла я.

– Конь, – уточнила старушка. – Ну тот, которого ты вчера привезла, лохматый такой. Он громко плачет. Может, скучает? Или голоден? Хотя семечки есть не стал.

Черт побери, я совсем забыла про Мусю! Несчастливого щенка не покормили, не попоили, не вывели гулять. Впрочем, думаю, проблему с туалетом он уже решил самостоятельно, и мне предстоит мыть полы в доме.

– Сейчас приеду, – пообещала я. – Ты не бойся Мусю, он пока не умеет кусаться.

– Мне и в голову не придет лошадки пугаться, – засмеялась Жозя. – Предполагаю, что она очень голодна. Вот, на моих глазах табуретку грызет.

– Отними у него мебель, – приказала я, – и скажи: «Сейчас привезут обед».

– Миленький, – закудаhtала Жозя, – солнышко...

Связь оборвалась. Я поехала по проспекту и увидела за зданием автодорожного института вывеску «Товары для животных». Радуюсь, что на пути столь удачно попался нужный магазин, я припарковалась и пошла в том направлении, куда указывала стрелка.

– Возраст щенка? – спросил продавец.

– Два с половиной месяца, – ответила я.

– Тогда это лучшее. – Юноша поставил на прилавок маленький пакетик.

– Думаю, Мусе такая порция на один зуб, – вздохнула я. – Он очень здоровый. В смысле, большой.

– Какая порода?

– Цвергшнауцер, – не подумав, ответила я, – весом больше меня.

– Вы уверены? – усомнился парень. – Цверги крошечные.

– Наш переросток. Ну очень здоровый!

– Возьмите экономичную упаковку в двадцать пять кило. Там есть таблица, взвесьте животное и кормите, – посоветовала женщина, отпуская за соседним прилавком лекарства.

– Ага, спасибо, – кивнула я.

– Щенку полезно мясо, – вступила в разговор дама из очереди.

– Сухой корм не следует совмещать с обычной едой, – возразила продавщица.

– В качестве игрушки, – уточнила женщина. – Здесь рядом есть рынок, купите там мосол. Тогда щенок мебель с обоями не тронет.

Я, вспомнив про табуретку, на которую покусился Муся, с благодарностью воскликнула:

– Спасибо!

– Не за что, – улыбнулась дама. – Кстати, я ветеринар, держите мою визитку. Вера Сергеевна Ефимова, прививки и прочее. Выезжаю в любое место. Что у вас за порода?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Читайте книги Дарьи Донцовой «Черт из табакерки» и «Зимнее лето весны», в них рассказано, как началась и завершалась дружба. Издательство «Эксмо».

2

Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – революционер, народный герой Италии.

3

Как Виола разошлась с мужем и порвала с ближайшей подругой Тamarой, рассказано в книге Дарьи Донцовой «Зимнее лето весны», издательство «Эксмо».

4

Иди, мое сердце. Пожалуйста, не бойся (нем.).

5

Такого журнала не существует. Здесь и далее названия придуманы автором, совпадения случайны.

6

Название препарата придумано автором

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/striptiz-zhar-pticy>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)